

A hand wearing a white lace sleeve and several rings points towards a historical map. The map is covered with various objects: a scroll with a wax seal, a quill pen, a pile of silver coins, a small inkwell, and a string of amber beads with a cross pendant. The map itself features labels in Russian and German, such as 'Северные моря' (Northern Seas), 'Хомберг' (Homberg), 'Мюнхен' (Munich), and 'Санкт-Петербург' (Saint Petersburg).

Павел
Корнев

РЕЗЕДАНТ

Небесный эфир

Павел Корнев

Ревенант

«Автор»

2019

Корнев П. Н.

Ревенант / П. Н. Корнев — «Автор», 2019 — (Небесный эфир)

Небесный эфир пронизывает всё сущее и делает возможной саму жизнь, но эта незримая стихия не способна исправить человеческую природу, от сотворения мира и до наших дней люди продолжают лгать, убивать и предавать. Филипп Олеандр вон Черен тоже не образец добродетели, хоть и посвятил себя выявлению чернокнижников и адептов заповедья из числа учёного люда. Днём и ночью магистр-расследующий держит под рукой покрытые колдовскими формулами пистоли и магический жезл, а его подручным не привыкать преступать закон и пускать в ход клинки и чары. Вот только оружие не способно рассечь паутину чужих интриг. Улики пропадают, свидетели гибнут, время утекает сквозь пальцы, и всё что остаётся – это следовать нитям заговора в надежде, что ещё представится шанс сделать свой ход.

© Корнев П. Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Часть вторая	48
Глава 1	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Павел Корнев

Ревенант

Часть первая

Грахцен

Глава 1

1

Без суда и следствия нас не повесили. На деле подобного развития событий я несколько не опасался, но вот риск угодить под арест был не так уж и мал, и все же нет – обошлось. В столицу королевства нас препроводили со всем почтением, пусть и под конвоем горной стражи. Именно под конвоем. Уверения командира гарнизона, будто вооруженные до зубов бородачи всего лишь отвечают за нашу безопасность в дороге, могли ввести в заблуждение разве что вконец оторванного от реальной жизни книжного червя, но никак не магистра Вселенской комиссии по этике.

Плевать! Срываться в побег в любом случае было не с руки хотя бы по той простой причине, что увенчаться успехом подобная авантюра попросту не могла. Уве еле держался в седле, беспрестанно кашлял и харкал кровью. Маэстро Салазар уверял, что школяр вот-вот пойдет на поправку, но именно это «вот-вот» меня и не устраивало. Да и нельзя было выставлять себя в неприглядном свете перед теми облеченными властью сеньорами, которые станут разбирать инцидент. При таком паршивом раскладе и в Ренмеле вздернуть могут.

О-хо-хо... Дайте, небеса, терпения и смирения! Об удаче уже даже не прошу, и так лишь чудом из Сваами ноги унес. Ну, Сильвио! Ну удружил, так удружил!

При воспоминании об официале ордена Герхарда-чудотворца в душе ворохнулась лютая ненависть, заломило левую руку. И по большому счету бесил даже не финальный промах из пистоля, а непонимание мотивов черно-красных. Нет, было предельно ясно, что целью де ла Веги являлись записи святого Луки, в которых могло говориться о создании философского камня. Не сумев раздобыть раритет в Кларне, Сильвио отправился в Рёгенмар и там в своих начинаниях преуспел. Мое обвинение в убийстве маркиза с последующим преследованием в горах вполне укладывалось в эту схему, покоя не давала наша первая встреча.

Что связывало официала ордена Герхарда-чудотворца и бакалавра столичного университета, ступившего на скользкую дорожку чернокнижия? И не просто ступившего, но погубившего несколько десятков человек и разворошившего полдюжины мест силы! Сильвио намеревался встретиться с этим выродком – и едва ли из одного лишь желания раздобыть некое редчайшее сочинение, как пояснил в прошлый раз.

Опять же, как угораздило очутиться в том дилижансе меня самого?

Невозможность проникнуть в подноготную всей этой дурно пахнущей истории нагоняла тоску, да и грядущее разбирательство настроения несколько не улучшало. Единственное, что радовало, так это погода. По мере того как мы спускались с гор, становилось все теплее и теплее, а серость скал понемногу сменялась зеленью лугов. На деревьях уже набухли почки, вот-вот должна была появиться первая листва. Вовсю щебетали птички, и я бы с превеликим

удовольствием выкинул из головы все проблемы и заботы, но куда там! Нервы звенели почище натянутых струн.

А вот маэстро Салазар демонстрировал полнейшую беззаботность. Он нет-нет, да и принимался что-то негромко мурлыкать себе под нос, а из стишков почти пропала неизменная язвительность. Бретер и не думал задирать наших конвоиров и даже перестал шпынять Уве и собачиться с Мартой. Вот только я слишком хорошо знал Микаэля и прекрасно понимал, что тот попросту ломает комедию, разыгрывая из себя компанейского пьянчугу-южанина.

Однажды вечером, когда мы остались наедине, маэстро прямым текстом предложил подпить бойцов горной стражи и удариться в бега, но я лишь покачал головой.

– Не суетись. При некотором везении...

– Везение?! Филипп, ты предлагаешь положиться на везение?! – прошипел Микаэль, перебив меня на полуслове, и с ходу выдал:

С таким везением, как наше, на каторге ломают камень
Не от рассвета до заката, а от суда и до могилы!

Я поаплодировал ему и напомнил:

– Ученый люд неподсуден ни светским, ни церковным властям. Я – магистр Вселенской комиссии, ты – мой ассистент. Все будет хорошо.

– Мы не в империи!

– Но и не в Майнрихте и даже не в Сваами. Черно-красные не имели права нападать на нас!

Микаэль покрутил носом, немного успокоился и спросил:

– А убийство маркиза? Думаешь, герхардианцы не отступятся?

Я похлопал маэстро по плечу и улыбнулся с уверенностью, которой на самом деле не ощущал.

– Поверь, все будет хорошо.

– Вспомни об этом разговоре, когда потащат на эшафот! – зло бросил Микаэль, поднимаясь из-за стола.

– Мне это не грозит, – лишь усмехнулся я в ответ.

И вот тут, надо сказать, душой несколько не покривил. Прошлый разговор с де ла Вегой оставил после себя ясное осознание, что меня прикончат при первой же возможности. Да и мои спутники – слишком неудобные свидетели, чтобы затевать судебный процесс. Мало ли кто прислушается к нашим словам? Отнюдь не все довольны усилением позиций ордена Герхарда-чудотворца в Сваами...

Маэстро Салазар лишь махнул рукой и отправился на поиски выпивки, а я крутанул четки, поцеловал святой символ и все же попросил небеса об удаче.

До столицы Грахцена оставался день пути.

2

Лёнинцген, как именовалась столица королевства, был выстроен в долине меж отрогов Тарских гор, на берегу продуваемого всеми ветрами озера. Крайнюю оконечность далеко вдававшегося в холодные воды мыса отрезали от большой земли каналом, именно на этом рукотворном острове располагались королевский дворец, родовые гнезда знатнейших аристократических родов, монетный двор и резиденция архиепископа. Большая часть городских строений рассыпалась по берегу и окрестным холмам, сплошной стеной они обнесены не были, лишь на возвышенностях вблизи дорог высились несколько крепостей.

Сам Лёнингген показался мрачным и холодным под стать озеру. Строгие башни замков и колоколен были сложены из темного камня – то ли такового изначально, то ли обретшего подобную окраску из-за копоти. Шпили кафедрального собора от них ничуть не отличались. Нигде в лучах весеннего солнца не сверкала позолота; купола церквей выделялись зеленью патины, и даже черепица отличалась не обычными рыжевато-оранжевыми тонами, а была преимущественно темно-коричневой. Немудрено, что алые полотнища королевских флагов смотрелись брызгами крови – особенно когда ветер стихал и становились не видны белые семиконечные звезды.

Я придержал лошадь на вершине холма, откуда открывался прекрасный вид на город и раскинувшееся за ним озеро, и невольно поежился. Да еще Микаэль подъехал и негромко, специально для меня, произнес:

Город как город, но уверен вполне:
В нем нам с тобой болтаться в петле!

В ответ я лишь фыркнул и легонько сдвинул коленями бока лошади, заставляя ту тронуться с места и потрусить по дороге. Маэстро Салазар криво ухмыльнулся, сплюнул в грязь и последовал за мной. А там потянулись и остальные.

Встретили нас на таможенном посту, в который уперлась зажатая фасадами домов улочка. Какие-то из груженных товарами телег местные служащие пропускали беспрепятственно, с кого-то взымали плату, а иным и вовсе приходилось загонять повозки во двор пропускного пункта, где поклажа подвергалась самому тщательному досмотру.

Капрал горных стражников отправился доложить о нашем прибытии и вскоре вернулся в сопровождении таможенного смотрителя в форменном мундире зеленого сукна с алыми, под цвет королевскому флагу, вставками.

– Магистр вон Черен? – уточнил он на неплохом североимперском и предупредил: – Придется немного подождать.

Я выбрался из седла и прошелся по двору, разминая ноги. Потом резко обернулся и выстрелил в таможенника вопросом:

– Чего?

Смотритель непонимающе захлопал глазами.

– Чего нам ждать, любезный? – уточнил я свой вопрос.

Чинovníк неопределенно покрутил в воздухе рукой и коротко ответил:

– Сопровождающих.

Стоило бы спросить, куда именно нас намереваются препроводить, но вместо этого я взглянул в начавшее темнеть небо и поинтересовался:

– И долго придется ждать?

Таможенный смотритель лишь пожал плечами, а маэстро Салазар с хрустом потянулся и проворчал:

– Сразу в колодки не заковали, и то хлеб...

Уве от возмущения аж закашлялся.

– За что в колодки-то?! – набычился он, сплюнув в грязь алую мокроту. – На нас напали!

Мы защищались!

– Вот! – воздел я к небу указательный палец. – Устами младенца глаголет истина!

– Магистр! – обиженно протянул школяр. – Скажете тоже – младенец!

Марта осуждающе посмотрела на меня и заступилась за Уве:

– Не обижай мальчика, ему нельзя волноваться!

Школяр покраснел от смущения и уставился на ведьму.

– Ты это специально, да?

Та лишь захлопала белыми ресницами, но не сумела ввести в заблуждение относительно мотивов своего высказывания никого из нас.

– Нет женщины коварнее создания... – начал было маэстро Салазар, но сразу осекся и удивленно протянул: – Быстро они!

Я обернулся и увидел, как во двор таможенного поста в сопровождении двух слуг заезжает чернобородый и черноусый сеньор, на груди которого посверкивала благородным металлом цепь с эмблемой Вселенской комиссии по этике. Распахнутый темно-синий, с золотым позументом плащ не скрывал вычурной рукояти шпаги, с другого бока за оружейный ремень был заткнут колдовской жезл. Белобрысые охранники ритуалиста помимо палашей имели при себе длинные кавалерийские пистолы, но едва ли столь немногочисленный отряд мог взять на себя роль наших конвоиров. У меня даже немного отлегло от сердца.

– Магистр вон Черен, так понимаю? – обратился ко мне коллега, в знак приветствия небрежно касаясь пальцами широкополой шляпы.

Я коротко кивнул.

– К вашим услугам...

Чернобородый сеньор ловко соскочил с лошади и представился:

– Граф Хирфельд, магистр-управляющий Вселенской комиссии по этике Грахцена.

Сохранить невозмутимое выражение лица стоило немалых усилий.

Ангелы небесные! Он так и сказал: «Вселенской комиссии по этике Грахцена!»

Вот это самомнение! Вселенская комиссия неспроста именовалась *вселенской*, она не имела делений на герцогства и королевства. Более того – магистр-управляющий столичного отделения не обладал никакой властью над своими коллегами из других городов этого же государства, те подчинялись напрямую канцлеру. Неужто здесь не так?

А граф Хирфельд тем временем вытянул из рукава свиток, развернул его и замялся. Я поспешил прояснить ситуацию:

– Позвольте представить вашему сиятельству моего ассистента маэстро Салазара и младшего клерка бакалавра Толена.

Магистр-управляющий понимающе кивнул и выжидающе посмотрел на Марту.

– Так, – неопределенно пожал я плечами, – прибудилась по дороге.

Граф скривил уголок рта, но никаких замечаний в адрес девчонки отпускать не стал, вместо этого подступил ко мне и до предела понизил голос.

– Магистр, – вздохнул он, постучав свитком по раскрытой ладони, – обязан заранее предупредить, что с этого момента я принимаю на себя полную ответственность за ваше поведение, посему любые необдуманные поступки нанесут непоправимый ущерб авторитету Вселенской комиссии.

Пару мгновений я изучал мрачное, словно бы закаменевшее от внутреннего напряжения лицо собеседника, затем уточнил:

– Под необдуманными поступками ваше сиятельство подразумевает побег?

– Ради милости небес, мы же коллеги! – воздел очи горе граф Хирфельд. – Оставьте титулование для официальных приемов, я такой же магистр, как и вы! И да – имелась в виду именно попытка скрыться от королевского правосудия.

– Даю слово... – начал было я, но граф меня тут же оборвал:

– У меня нет никаких прав требовать от вас неисполнимых обещаний, просто прошу помнить о благоразумии.

Я медленно склонил голову, и магистр-управляющий отошел к сопровождавшему нас капралу горной стражи. Они коротко о чем-то переговорили, затем свиток переключал из рук в руки, а взамен граф Хирфельд получил наши подорожные.

– Едемте, сеньоры! – поторопил он нас.

– Шевелитесь! – коротко бросил я спутникам, взобрался в седло и направил лошадь со двора таможенного поста. На улице поравнялся с графом и спросил:

– Что дальше, магистр?

Лицо Хирфельда искривила досадливая гримаса, но он моментально взял себя в руки и принялся поправлять лайковые перчатки.

– А что дальше? – ответил граф вопросом на вопрос. – Что именно вас интересует?

В голосе собеседника промелькнуло плохо скрываемое раздражение. Как ни силился он удерживать под контролем эмоции, те оказались слишком сильны.

Оно и немудрено! Меня и самого взбесила бы необходимость взвалить на свои плечи ответственность за совершенно непредсказуемую компанию авантюристов, пусть даже и коллег. Наш побег не столько нанесет урон авторитету Вселенской комиссии, сколько бросит тень на репутацию поручившегося за меня графа. Мы для него сейчас будто ручная бомба с запаленным фитилем.

Я не стал посыпать солью душевные раны собеседника и с нейтральной улыбкой поинтересовался:

– Для начала хотелось бы знать, куда мы, собственно, направляемся.

Граф бросил на меня быстрый взгляд и вновь скривил уголок рта.

– Какие будут пожелания, магистр?

Мои брови поползли на лоб.

– Даже так? – Я озадаченно хмыкнул. – Ну... время позднее, пора подумать о ночлеге.

Порекомендуете хорошую гостиницу?

– Пустое! – покачал головой граф Хирфельд. – Остановитесь у меня.

– Не хотелось бы стеснять...

– Никакого стеснения, дом просторен. И прошу: не обижайте меня отказом! Моя прямая обязанность – обеспечить комфорт... и безопасность коллеги.

– Полагаете, нам грозит опасность?

– Лёнинген – большой и беспокойный город, магистр.

Наглядной демонстрацией этого высказывания на улочку вывернула кавалькада до зубов вооруженных верховых; горожане моментально разбежались, спеша убратся с дороги всадников. Магистр-управляющий выпрямился в седле и прикоснулся к шляпе, приветствуя встречающих. Скакавший во главе процессии седоусый аристократ ответил столь же формальным жестом, и мы разъехались.

Я обернулся и с удивлением отметил, что сопровождающие графа охранники держат ладони на рукоятках пистолей.

– Неладно что-то в королевстве Грахцен! – донесся сзади шепоток маэстро Салазара.

Магистр-управляющий перехватил мой озадаченный взгляд и усмехнулся.

– Поверьте на слово, магистр: здесь ничего не стоит выйти из дома и сгинуть без следа. Озерные воды глубоки.

– А мое исчезновение расценят бегством от правосудия, что бросит тень на репутацию Вселенской комиссии, – понимающе продолжил я мысль собеседника, не став упоминать об уроне его собственной чести.

Граф невесело рассмеялся.

– Ваше бегство, магистр, поставит меня в крайне незавидное положение, но такое вот... исчезновение и вовсе заставит очутиться между молотом и наковальней.

Я насторожился.

- Боюсь, смысл вашего высказывания ускользает от меня, магистр.
- Маркиз цу Рогер лично выразил заинтересованность в вашем деле.
- О-о-о! – только и протянул я.

Обвинение одного из магистров в убийстве кузена великого герцога сопредельного государства просто не могло не привлечь внимания главы Вселенской комиссии, поскольку ставило под вопрос дальнейшее пребывание моих коллег в Сваами, но я и подумать не мог, что буря разразится столь скоро.

– Чему вы удивляетесь? – не разделил моего изумления граф Хирфельд. – По эфирным каналам новости расходятся со скоростью лесного пожара!

– И что же его светлость?

– Мне приказано всеми доступными средствами обеспечить свободу передвижения магистра вон Черену, – отстраненно произнес граф, – коему надлежит незамедлительно отправиться в Ренмель.

Я невольно поежился. Ясно и понятно, что в столице империи меня ждут одни только неприятности и ничего кроме них. И не хотелось даже думать, какое решение примет по итогам дисциплинарного разбирательства совет магистров...

Сглотнув, я поинтересовался:

– И как скоро мне выпадет возможность отбыть в империю? Уже что-то известно о предъявленных обвинениях?

Граф Хирфельд глянул в ответ с нескрываемым раздражением. Его эфирное тело явственно задрожало, это волнение получилось различить, даже не прибегая к истинному зрению.

– Сейчас не самое подходящее время для обсуждения подобных вопросов, – отрезал магистр-управляющий и прищпорил коня, разрывая дистанцию.

Я лишь хмыкнул. Ну да еще поговорим...

3

Дорожная грязь размеренно чавкала под копытами лошади, изредка навстречу попадались верховые, да еще то и дело приходилось обгонять кареты и телеги. Пешие горожане шагали по дощатым тротуарам и на дорогу не лезли – пусть к озеру и уходили сточные канавы, разбитое колесами повозок и подковами месиво легко могло стянуть с ног любые ботинки и даже сапоги.

Понемногу дома расступились, перестали жаться друг к другу фасадами и нависать над мостовыми крышами. Дорога расширилась, особняки отгородились от нее невысокими заборчиками и аккуратными палисадниками, тут и там начали попадаться заросшие бурьяном пустыри, загоны для скота, склады и мастерские. Очень скоро мы очутились в тихом и спокойном районе, где за каменными оградами с пиками поверху и гербами на воротах прятались в тени садов дворянские усадьбы. Улицы обезлюдели, и на глаза попадались исключительно караулившие проезды в частные владения охранники. За нами они следили с неприязнью, определенно не имевшей ничего общего с профессиональной настороженностью.

Выйти из дома и сгинуть без следа? О да! Сдается мне, в славном городе Лёнингген такое действительно в порядке вещей. И даже до озера никто не потащит, прикопают где-нибудь в укромном уголке, и все дела...

Усадьба магистра-управляющего не уступала соседним ни высотой ограды, ни основательностью ворот. На мощных створках красовался герб рода: алую левую половину отмечала черная семиконечная звезда, на белой правой раскинулись три красных птицы, очертаниями напоминавшие геральдических журавлей. Внутри нас запустили незамедлительно, графу даже

не пришлось окликать охранников. Тех оказалось четверо, а караульная будка с бойницами и узенькой дверью вполне могла выдержать самую настоящую осаду.

Граф Хирфельд перекинулся парой слов с молодым ритуалистом и направился к выстроенной поодаль от двухэтажного особняка конюшне. Слуги немедленно приняли лошадей, и мы прошли в дом, где нас встретили седовласый дворецкий и троица разновозрастных детей, два мальчика и девочка.

– Супруга на сносях, – пояснил граф, снимая шляпу. – Ей позволительно пренебречь обязанностями хозяйки.

Магистр-управляющий оказался молод – не старше тридцати, – отчасти его старили густая борода и мрачное выражение, казалось, намертво прикипевшее к худому осунувшемуся лицу. Идеально завитые локоны были черными как смоль, и оттого серые глаза смотрелись слишком светлыми.

– Прошу, магистр! – указал граф на лестницу. – В вашем распоряжении весь второй этаж левого крыла.

– Удобно ли это?

– Бросьте!

Я не стал рассыпаться в благодарностях и поинтересовался:

– Когда вам будет угодно обсудить дела?

– О делах поговорим после ужина, – решил хозяин дома. – Приводите себя в порядок и спускайтесь. Вашим людям накрыть отдельно или они присоединятся к нам за столом?

– С вашего позволения, отдельно, – попросил я, не обратив внимания на злой взгляд маэстро Салазара. – Это был долгий день, им следует отдохнуть.

Граф взглянул на бледное лицо Уве и кивнул.

– Как скажете, магистр...

Второй этаж левого крыла графской усадьбы мог приютить компанию куда больше нашей; там было три опочивальни, просторная гостиная и уборная.

– И как будем размещаться? – с хитрым прищуром поинтересовался маэстро Салазар. – Кинем жребий?

– Я в одной комнате с тобой спать больше не буду, – проворчал Уве, устало плюхнулся на стул с гнутыми ножками, мягким сиденьем и резной спинкой, после добавил: – И никто не будет по доброй воле, так что все очевидно.

– Экий ты стал резкий в суждениях, братец! – с усмешкой сказал Микаэль.

– Просто вымотался.

– Отдыхай, пока время есть, – посоветовал я и, поскольку все и в самом деле было предельно очевидно, позвал ведьму: – Идем, Марта!

Приглянувшаяся мне спальня оказалась просторной и светлой, с широченной кроватью, платяным шкафом и небольшим столиком у выходившего в сад окна. Я выложил на изрядных размеров сундук чехол с мушкетом и бросил на пол саквояж. К слову, о саквояже...

Открыв дорожную сумку, я проверил замотанный в лоскут шар алхимического стекла и задумчиво поджал губы. Выкинуть бы его, но нельзя, такая беспечность точно боком выйдет. И при себе держать почти столь же безрассудно. Не важно – вырвется потусторонняя сущность на волю или кто-то знающий обнаружит ее узилище, результат меня не порадует.

– Принесли горячую воду, магистр! – послышался из гостиной голос Уве.

Я закрыл саквояж, вытащил из дорожного мешка запасную одежду и туфли, посмотрел на Марту и покачал головой. Та перехватила мой взгляд и вопросительно приподняла брови.

– Попрошу графа вызвать портного, надо сшить тебе дорожное платье.

– Серьезно? Это наша главная проблема? – скривилась ведьма. – А что там твой дружок о петле болтал?

– Повесят нас или нет, тебе новое платье в любом случае не помешает, – пожал я плечами и отправился приводить себя в порядок.

Девчонка лишь фыркнула, но промолчала, поскольку я был кругом прав. Никто не видел, как Марта зарезала брата-заклинателя, поставить ей это в вину не могли. В этих же обносках ведьма походила на бродяжку, что привлекало к нашей компании совершенно ненужное внимание. Да и в город ее в таком виде не послать, а мало ли какая надобность в том возникнет?

Пока приводил себя в порядок, прислуга успела выгладить одежду, так что к столу я спустился во вполне пристойном виде, словно и не провел без малого седмицу в дороге, ночуя то на случайных постоялых дворах, а то и просто на бивуаках под открытым небом. После беседы с домочадцами графа и весьма плотного ужина магистр-управляющий предложил подняться в его кабинет.

– Будете бренди? – поинтересовался он там.

Я посмотрел в окно и поежился при виде луны, сиявшей подобно обрезанной с одного края серебряной монете. Скоро полнолуние, еще день-два – и придет время залиться алкоголем по уши, ну а пока что я лишь покачал головой.

– Пожалуй, ограничусь вином.

– Белое или красное?

– Красное, с вашего позволения.

Граф отлучился дать необходимые распоряжения, а я прошелся по кабинету и полюбовался портретами суровых черноволосых сеньоров, имевших несомненное сходство с хозяином особняка. Судя по нарядам, здесь были представлены несколько последних поколений благородных предков магистра-управляющего.

Проскользнувший в кабинет слуга выставил на стол откупоренную бутылку вина и вопросительно взглянул на меня, а после утвердительного кивка наполнил хрустальный бокал рубиновой жидкостью и безмолвно ретировался. Граф Хирфельд закрыл за ним дверь и со стаканом бренди занял одно из кресел у камина. Я устроился напротив и спросил:

– Как думаете, магистр, сейчас подходящее время для обсуждения перспектив моего отбытия в империю?

Собеседник скривился, будто от большого зуба.

– Вы настоящая головная боль, вон Черен, – пожаловался он. – Даже не представляете, в сколь неудобное положение меня поставило ваше прибытие...

Я невесело рассмеялся.

– Вы это говорите мне, магистр? Человеку, которого сделали козлом отпущения в убийстве кузена великого герцога Сваами?

– Вы и в самом деле его не убивали?

– Не убивал, но это ничего не меняет. В Ольсе меня ждет плаха.

– Вы не в Ольсе, – напомнил граф, отпив бренди.

И вновь я лишь фыркнул в ответ.

– Будто не понимаете, что и в Ренмеле меня не ждет ровным счетом ничего хорошего! Если в Сваами начнутся гонения на Вселенскую комиссию, с меня канцлер живьем шкуру сдерет!

– Бросьте, магистр! – вяло отмахнулся граф Хирфельд. – На роль козла отпущения могли выбрать кого угодно, вашей вины в том нет! Это же очевидно!

Я покачал головой.

– В Ренмеле меня никто и слушать не станет.

– В Ренмеле вам еще надо попасть! – резко бросил магистр-управляющий. – Да, мне приказано обеспечить беспрепятственный проезд, но не все зависит исключительно от меня!

– Полагаете, нас могут... – я запнулся, припоминая соответствующий юридический термин, – экстрадировать в Сваами?

Граф Хирфельд порывисто вскочил из кресла и всплеснул руками.

– Не знаю, магистр! Просто не знаю! Отношения между нашими странами далеки от добрососедских, пограничные стычки давно стали обыденностью. Но решение о вашей судьбе будет приниматься в королевском дворце, и большой вопрос, кто возьмет верх: партия мира или партия войны!

Я кивнул и поинтересовался:

– Что-то можно предпринять?

– Все возможные действия с моей стороны уже предприняты, – объявил хозяин особняка, перехватил изучающий взгляд и выпятил нижнюю челюсть. – Да, магистр! Это именно так, ибо ваша выдача станет настоящей катастрофой и ляжет несмываемым пятном на репутацию Вселенской комиссии. Посудите сами – ну кто захочет вести со мной дела, если я не сумел отстоять своего коллегу?!

В голосе графа прозвучало нескрываемое раздражение, он отошел к окну и посмотрел в сад, безуспешно пытаясь взять себя в руки.

– Я бы поставил десять против одного, что экстрадиции не будет, – глухо произнес магистр-управляющий некоторое время спустя, – но вы сами осложнили свое положение до чрезвычайности!

– Каким образом, позвольте узнать? – полюбопытствовал я.

– Стычкой с герхардианцами! – напомнил хозяин дома. – Формальным поводом для разбирательства стало убийство добрых братьев!

– Мы неподсудны церковным властям! – отрезал я. – Герхардианцы не имели права...

– Да бросьте, магистр! – перебил меня собеседник. – Разумеется, они зарвались, но стоило ли отстаивать свои права столь... яростно? Вас бы в любом случае доставили для разбирательства в Лёнингген, только при этом на руках не было бы лишней крови!

Я выслушал эту сентенцию с непроницаемым выражением лица, хоть показную невозмутимость и удалось сохранить с превеликим трудом, затем спросил:

– Насколько велико влияние ордена Герхарда-чудотворца при дворе?

Граф Хирфельд неопределенно пожал плечами и, ничего не ответив на мой вопрос, в свою очередь спросил:

– По какой причине герхардианцы ополчились на вас, магистр?

Мне и в голову не пришло ответить правду, я отпил вина и развел руками.

– Понятия не имею.

– Улики должны быть весьма серьезны, раз добрые братья решились провести задержание. Если их предоставят королевскому прокурору, тому придется созвать большой трибунал...

– Улики? – Я позволил себе презрительную усмешку. – Нисколько не сомневаюсь, что мой арест требовался черно-красным для усиления своих позиций в Сваами. Или полагаете, монахи не могут быть охотниками за головами?

– Хорошо, если так, – вздохнул граф Хирфельд, но было видно, что мои слова окончательно его не убедили.

Впрочем, эту тему он счел закрытой и больше ее касаться не стал. Дальше мы обсудили какие-то насущные вопросы, а напоследок магистр-управляющий настоятельно рекомендовал не покидать после наступления темноты особняка, поскольку на ночь в сад выпускали собак.

– Местная традиция? – уточнил я с улыбкой.

– Насущная необходимость, – ответил граф с убийственной серьезностью.

4

После беседы с хозяином я отправился провести Уве, но вымотавшийся за день школяр уже спал. Марта в полученных от одной из служанок ночной сорочке и чепце сидела на кровати и отрабатывала показанное накануне плетение, благоразумно не касаясь при этом эфира. На легкий скрип дверных петель она даже не обернулась, я немного постоял на пороге и не стал проходить в комнату, ушел в гостиную, где в одиночестве распивал вино маэстро Салазар.

– Счастлив? – поинтересовался я у бретера.

Микаэль окинул меня пристальным взглядом блестящих черных глаз и скривил в ухмылке губы.

– Счастье – это нечто большее, нежели простое удовлетворение потребности человека в выпивке, – сказал он, почесал заросшую длинной щетиной щеку и махнул рукой. – Впрочем, ты прав. Счастлив-счастлив.

Но стоило только мне усесться за стол, и показное спокойствие мигом слетело с маэстро, будто наносная шелуха.

– Каковы наши шансы отправиться на эшафот? – напрямую спросил он.

Я поморщился в ответ, но подручный одной лишь гримасой не удовлетворился, пришлось выложить все как на духу.

– Рано об этом говорить. В любом случае бегство оставим на самый крайний случай. Нашего хозяина такой исход втривит в серьезные неприятности.

– Какое тебе дело до этого хлыща? – фыркнул Микаэль. – Нет, я понимаю – парик! Облысеть всякий может, мода опять же! Но он еще и бороду подкрашивает! Представляешь?

– Да пусть хоть в женском платье ходит! – отмахнулся я. – Он магистр-управляющий! Не знаю, как обстоят сейчас дела у моих коллег в Сваами, но, если создадим проблемы Вселенской комиссии еще и в Грахцене, выйти сухими из воды уже точно не получится.

– Предлагаешь нам во имя высших интересов сложить голову на плаху, так?

– Повторяю: в бега ударимся только в самом крайнем случае. Ясно?

– Ясно-ясно, – скривился Микаэль, потянулся откинуть с лица отросшие волосы и зашипел от боли, невзначай коснувшись расчертившего лоб шрама. Тот уже затянулся, но еще оставался воспаленным и припухшим с явственными отметинами стежков. Благодаря усилиям Марты заживление протекало довольно быстро, и все же полностью убрать рубец ведьма пока не могла.

Я налил себе вина из стоявшего перед маэстро Салазаром кувшина и спросил:

– Уверен, что не стоит показать Уве нормальному целителю?

– Брось, Филипп! – вяло отмахнулся помощник. – Ты же видел, что творится с его эфирным полем! Любое дополнительное вмешательство лишь усугубит ситуацию. Время. Ему нужно время.

С улицы вдруг донесся яростный лай уже спущенных с цепи псов, я подступил к окну и приставил к стеклу ладони, но ничего толком не разглядел. А только вернулся за стол, и появился граф Хирфельд.

– Магистр, вы не спите? – обрадовался он. – Отлично! Нас желает видеть барон Аренкас, королевский прокурор.

Удивлению моему не было предела.

– В столь поздний час?

Магистр-управляющий нервно рассмеялся.

– Нам ли привередничать? Я просил барона об аудиенции, и столь быстрый ответ – если не чудо, то весьма хороший знак.

Я кивнул и скомандовал маэстро Салазару:

- Собирайся, едешь с нами.
- Есть ли в этом нужда? – нахмурился граф Хирфельд.
- Лишним не будет.

Ночные поездки по незнакомому городу вполне могли обернуться перерезанным горлом или колотой раной между третьим и четвертым ребром, и я не собирался выходить из дома в компании людей, которых видел первый раз в жизни. Еще и пистолти пришлось оставить в саквояже и ограничиться кинжалом, шпагой и волшебной палочкой!

При виде магического жезла граф Хирфельд озадаченно потер висок.

– Покорнейше прошу извинить, магистр, за бестактный вопрос, но разве не вас именуют Ренегатом?

Я озадаченно посмотрел на собеседника, затем понимающе улыбнулся.

– Ах, вы об этом! Да, это мое прозвище. Все верно. Но, думаю, вы и сами замечали, сколь превосходным образом жезл удерживает простецов от необдуманных поступков и высказываний. Ведь так?

Граф Хирфельд ничего отвечать не стал. Стуча каблуками по ступеням лестницы, мы спустились на первый этаж и вышли на улицу, где нас дожидались уже взнузданные лошади. На этот раз магистр-управляющий двумя охранниками не ограничился и взял в сопровождающие полдюжины бойцов. Как видно, поездки по темным улочкам вызывали беспокойство отнюдь не только у меня одного.

Ворота распахнулись, и мы выехали в ночь. Ущербная луна заливала тянущуюся меж оград и живых изгородей дорогу серебристым сиянием, изредка впотьмах мелькали тусклые отсветы огней, а людей навстречу поначалу не попадалось вовсе. И лишь когда пригород остался позади и отряд поехал меж двухэтажных домов, с соседних улочек начали доноситься визгливые завывания скрипок и гул нестройного хорового пения, запахло подгоревшей стряпней, замелькали тени припозднившихся горожан. На перекрестках неярко мерцали заправленные дрянным маслом фонари, несколько раз слышалась переключка ночной стражи. Иногда приходилось ехать через погруженные во мрак кварталы, но никто не посмел задержать вооруженных до зубов сеньоров и там.

Центр Лёнинггена оказался вымощен брусчаткой, копыта лошадей звонко зацокали по мостовой. Улицы до предела сузились, верхние этажи домов едва ли не смыкались над головами, луна потерялась за скатами крыш, стало темно; не спасали даже горевшие на углах домов светильники. Впрочем, граф Хирфельд прекрасно ориентировался в родном городе и быстро вывел нас из каменного лабиринта к набережной канала, коим в свое время отделили дальнюю часть мыса от большой земли.

Попасть на ту сторону оказалось делом не столь уж и простым. Для начала магистр предъявил полученный вместе с письмом от королевского прокурора пропуск, затем лейтенант королевских мушкетеров – а несли службу на мосту именно эти brave вояки, – долго выискивал какое-то подтверждение в толстенном фолианте, и в итоге пропустил только меня и графа. Остальным пришлось дожидаться нашего возвращения у моста.

Магистра-управляющего такой исход вовсе не порадовал, но протестовать он и не подумал. Мы пересекли канал и поехали по узкой и весьма извилистой улочке. Окрестные строения будто тянулись к небу, и луна окончательно затерялась за островерхими фронтонами, крытыми черепицей скатами крыш и башнями. При этом всюду горели фонари, и светло было едва ли не как ясным днем.

На многих перекрестках стояли караулы королевских мушкетеров, и все же граф недовольно хмурился; он даже откинул полу плаща, заранее высвободив из-под нее рукоять пистоля, которого прежде я у него не замечал.

- Ждете неприятностей?

– В нашем славном королевстве благородному человеку невозможно не иметь двух-трех кровников, – ответил граф.

– Здесь кругом солдаты!

– Они станут глухи и слепы, если только кто-то облеченный влиянием попросит их об этом. Такое случается нечасто, но это не повод забывать об осторожности. Кёнелиен безопасен лишь для тех, кому благоволят при дворце. А кто знает, как там решили разыграть вашу карту?

Мне сделалось не по себе, и я тоже расстегнул фибулу плаща.

– Кёнелиен? – уточнил между делом, поправляя ножны со шпагой.

– Королевский остров, – пояснил граф Хирфельд, кинул на меня быстрый взгляд и рассмеялся. – Спокойствие, магистр! Полагаю, для начала нас все же выслушают...

Так оно и вышло. Нет, не в части «для начала», а в том смысле, что до резиденции королевского прокурора мы добрались без всяких заминок, да и в приемной нас мариновать не стали, пусть там и дожидались аудиенции полдюжины посетителей. Не иначе ночные приемы здесь были делом обычным.

Барон Аренкас оказался пожилым сеньором с крючковатым носом, сединой в короткой бородке и едва ли не налысо остриженной головой; роскошный парик лежал на краю заваленного бумагами стола. За стоявшей в углу конторкой сгорбился клерк, личный секретарь спешно выкладывал перед королевским прокурором какие-то документы, а тот, не отрываясь от бумаг, перевернул песочные часы и коротко скомандовал:

– Говорите!

Граф Хирфельд нервно сглотнул и попытался обрисовать ситуацию, но вельможа тут же нацелил костлявый указательный палец на меня.

– Хочу услышать рассказ из первых уст! – объявил хозяин кабинета и предупредил: – Рёгенмар находится вне пределов моей юрисдикции, начинайте сразу с инцидента на постоялом дворе. Какие претензии высказали вам братья-герхардианцы?

Тонкая струйка песчинок беспрестанно сыпалась из верхней колбы в нижнюю, поэтому пришлось импровизировать.

– Никаких претензий высказано не было, ваша милость. Братья не сказали мне ни слова. – Прокурор нахмурился, и я спешно добавил: – Со мной общался официал ордена, некий сеньор де ла Вега. Он потребовал незамедлительного возвращения в Сваами, а, получив отказ, попытался настоять на своем силой. Ничего не оставалось, кроме как воспрепятствовать этому беззаконию.

– А обвинение в чернокнижии?

– Послужило формальным оправданием агрессии и было высказано уже постфактум. К тому же осмелюсь напомнить вашей милости, что ученое сословие неподсудно...

Хозяин кабинета досадливо отмахнулся, заставив меня замолчать на полуслове.

– Чего добивался тот официал? – спросил барон Аренкас. – Как думаете, магистр, в чем заключается интерес ордена?

Я развел руками.

– Полагаю, на столь вопиющее нарушение закона упомянутого мной официала подтолкнуло стремление получить для ордена некие политические преференции в Сваами. Грубейшая подтасовка улик, лежащих в основе моего обвинения в убийстве маркиза Альминца, позволяет заподозрить в нечестной игре отдельных представителей ордена Герхарда-чудотворца, но это лишь догадки и предположения.

– Только глупец оставит в теле жертвы клинок с дарственной гравировкой в свой адрес, – понимающе улыбнулся барон. – Но едва ли глупец сумел бы избежать ареста, ведь так?

Я лишь склонил голову в знак согласия и не сдержал облегченного вздоха, когда королевский прокурор откинулся на спинку кресла и объявил:

– В экстрадиции сеньора вон Черена отказать!

Но радость оказалась преждевременной.

– Вместе с тем, – продолжил хозяин кабинета, – орден Герхарда-чудотворца должен иметь возможность обосновать свою позицию и подтвердить выдвинутые обвинения или отказаться от них в случае, если нападение совершили самозванцы.

У моего спутника при этих словах натуральным образом вытянулась физиономия.

– Ваша милость, неотложные дела требуют немедленного отбытия магистра вон Черена в империю!

Королевский прокурор глянул в ответ с нескрываемой усмешкой.

– Все в ваших руках, граф. Поговорите с приором. Уверен, его высокопреподобие прислушается к доводам разума и не станет тянуть с ответом. До этого момента сеньор вон Черен не должен покидать пределы города. На этом все!

Граф Хирфельд попытался было выдать из себя протест, но свирепый взгляд хозяина кабинета заставил его проглотить возражения, поклониться и попятиться к выходу, незаметно потянув меня за собой.

Я и не думал противиться. Разбирательство обвинений в связях с запредельем – сущие пустяки в сравнении с мучительной казнью без суда и следствия, коей неминуемо обернулась бы моя высылка в великое герцогство Сваами.

Глава 2

1

Разбудил пристальный взгляд. Всегда полагал такое невозможным, но прежде мне и не доводилось спать в обществе чем-то обозленной ведьмы. Контролировала свой дар Марта пока что не самым лучшим образом, незримую стихию так и перетряхивали отголоски переполнявших девушку эмоций.

– Ангелы небесные! – проворчал я, разлепляя глаза. – Теперь-то что?

Сидевшая у изголовья кровати ведьма неопределенно передернула худыми плечами, подтянула одеяло к шее и ничего не ответила.

– Обучение? – с обреченным вздохом предположил я.

– Ты обещал! – напомнила девчонка.

– Сегодня приступим помаленьку, – нехотя сказал я.

Святые небеса! Вот же навязалась на мою голову!

Ведьма глянула с явственно читавшимся в серовато-льדיстых глазах сомнением, через голову стянула ночную сорочку и прямо на голое тело надела принесенное служанкой темно-синее платье, болтавшееся на ней словно на вешалке. Девчонка отошла к висевшему на стене зеркалу и попыталась привести в порядок волосы, но особо в этом не преуспела, слишком уж неровно были обстрижены серебристые пряди. Пришлось прятать их под чепец, и настроения это Марте несколько не улучшило.

– Долго мы здесь пробудем? – спросила девчонка, старательно затягивая шнуровку платья.

– Кто бы мне это сказал, – поморщился я, оделся и отправился в уборную. Умылся, полюбовался на неровно отросшую щетину и решил, что без визита цирюльника никак не обойтись; самому оформить это убожество в некое подобие бородки нечего было даже и пытаться.

Марта разбудила ни свет ни заря, еще даже толком не рассвело, и лучи встающего солнца только-только начали заглядывать в окна особняка и подсвечивать алым плывущие по небу облака. Маэстро Салазар еще спал, а вот Уве успел продрать глаза и бледной тенью кружил по гостиной в поисках съестного. Без толку – все вчерашние объедки унесла вышколенная прислуга.

– Сейчас распоряжусь насчет завтрака, – пообещал я и присмотрелся к слуге. – Ты как? Уве пожал плечами.

– Я в порядке, магистр.

Он тут же приложил к губам носовой платок, тщетно пытаясь скрыть рвущий легкие кашель, и я нахмурился.

– Отвары пьешь?

Школяр кивнул. Я задумчиво поскреб щеку и сказал:

– Заняться тебе все равно нечем, так что после завтрака поможешь натаскивать Марту.

Уве глянул на меня с нескрываемым сомнением.

– Действительно полагаете, магистр, это хорошей идеей?

– Учить девчонку или привлекать к этому тебя?

Школяр неуютно поежился и все же на попятную не пошел.

– Первое, магистр. Но и второе – тоже.

– Первое не твоя забота. Ей теперь так и так дорога в университет, ничего не попишешь.

Что касается второго, то уверен, что не нуждаешься в дополнительной практике сам?

Бледное лицо школяра прояснилось.

– А-а-а! – понимающе протянул он. – Понял. Можете на меня положиться.

– Нисколько в этом не сомневался, – холодно заявил я, спустился на первый этаж и напомнил дворецкому о завтраке, заодно сообщил о своем желании переговорить с хозяином особняка.

– Распожусь накрыть на стол незамедлительно, – пообещал слуга. – Его сиятельство высказывал намерение переговорить с вами перед отъездом на службу, следуйте за мной.

Граф оказался ранней птичкой; куда больше журавля на гербе ему подошел бы жаворонок. Он уже закончил разбирать подготовленные секретарем бумаги и готовился отбыть в отделение Вселенской комиссии, поэтому разговора не вышло. Магистр-управляющий скромно уверил меня, что сегодня же встретится с приором герхардианцев, но, судя по кислому тону собеседника, сам он нисколько не верил, что это принесет хоть какой-то результат.

– Обвинения в чернокнижии просто смешны! – заявил я в сердцах.

Граф Хирфельд оспаривать этого утверждения не стал.

– Все так, магистр, – вздохнул он. – Но вот убийство четырех братьев – это уже не шутки. С учетом юридических проволочек формальное разбирательство может затянуться на месяцы, а от меня требуют переправить вас в империю незамедлительно.

– Монахи не имели права проводить арест и напали первыми! Герхардианцы ничего не добьются апелляцией к королевскому правосудию!

– Будут тянуть время в попытке сохранить лицо, – предположил граф Хирфельд. – Что-то еще, магистр?

Я попросил пригласить к нам цирюльника и портного, после справился о возможности выбраться в город для маэстро Салазара.

– Ваши слуги вольны поступать как им вздумается, – ответил хозяин особняка, – а вот вас, магистр, настоятельно прошу не покидать имения. Возможны провокации.

Меньше всего мне хотелось заполучить нож в спину, поэтому я уверил собеседника, что не имею никаких планов на этот счет, и вернулся в наши апартаменты. Микаэль к этому времени уже проснулся, занял место за столом и злобно зыркал на слуг налитыми кровью глазами. Впрочем, на Уве и Марту он смотрел с едва ли большей теплотой, да и при виде меня лишь поджал губы, не подумав поздороваться. Дурное настроение маэстро объяснялось тем простым фактом, что к завтраку не подали ни вина, ни любых иных горячительных напитков.

– Похмелишься в городе, – успокоил я помощника.

Микаэль глянул на меня свысока, зло кинул вилку на фарфоровую тарелку и без малейшей заминки на одном выдохе выдал:

– Сушит глотку мертвой хваткой утра злобное явление, шарит пальцами в глазницах, потроха узлами вяжет. Ну скажите, право слово, как же тут не похмелиться, если шаг до табурета и петля под люстрой манит, легкий выход обещаешь?!

Я указал на дверь его комнаты.

– Вперед. Там тебя заждались. Будут рады.

Маэстро Салазар хрипло рассмеялся.

– Филипп! Ты же изучал словесность, неужто позабыл о гиперболах и аллюзиях?

– Гиперболы и аллюзии хороши как приправа, а не как основное блюдо.

– Темнота! – только и бросил Микаэль.

Завтрак прошел в теплой и дружеской атмосфере. Никто не произнес больше ни единого слова.

Когда прислуга унесла грязную посуду, Марта попыталась было напомнить о недавнем обещании позаниматься с ней, но я лишь отмахнулся.

– Позже! – затем обернулся к насупленному Микаэлю, весь завтрак которого составил единственный тост с кусочком сыра, и попросил: – Разузнай, что сможешь, о нашем гостепри-

имном хозяине и здешней миссии герхардианцев. Только на вино не налегай и не вздумай ввязаться в дуэль.

Маэстро Салазару точно было что ответить на мои увещевания, но он наступил на горло собственной гордости и напомнил:

– Лучше всего языки развязывает звонкая монета.

– Спорное утверждение, – пробурчал я, сходил в комнату и выложил на стол все свои кошель.

Грядущий визит портного должен был изрядно их облегчить, пришлось напомнить подручному о жемчуге маркиза Альминца.

Микаэль ухмыльнулся и выудил из-под камзола бархатный мешочек с приметным вензелем, вышитым золотой нитью. Со стороны де ла Веги было весьма любезно подкинуть мне столь ценную улику...

Я задумчиво хмыкнул и разгладил пальцами вензель маркиза Альминца. Улика, значит?

Маэстро Салазар оценил охватившую меня задумчивость и подался вперед.

– Филипп, ты сейчас похож на кота перед крынкой сметаны! Выкладывай, что на уме!

– Прежде чем идти к ювелиру, купи коричневый бархатный берет с фазаньим пером и серьгу с зеленой стекляшкой. Поищи с зажимом, чтобы мочку не прокалывать. Ну или проколи – тебе виднее. Весь жемчуг не продавай, оставь пару штук, и мешочек тоже придержи...

Микаэль сразу все понял и фыркнул.

– Думаешь, кто-то спутает меня с де ла Вегой?

– Для местных все южане на одно лицо, не переживай. Главное, беретом шрам на лбу прикрой и про серьгу не забудь. Сейчас придет цирюльник, объясню ему, как именно тебе укоротить усы и щетину в намек на бородку оформить.

– Усы – что? – уставился на меня маэстро Салазар, раздувшись словно индюк. – Укоротить?! Ты в своем уме, Филипп?! Это просто неприлично!

– Четверть вырученной за жемчуг суммы оставишь себе, – подсластил я пилюлю.

Микаэль мигом успокоился и выставил встречное условие:

– Половину! Четверть и так по праву моя!

– Треть! – легко пошел я на не слишком значительную уступку и предупредил: – Только обязательно оформи купчую на имя Сильвио де ла Веги...

– Это ведь не его настоящее имя!

– Не важно. Он пользовался им – это главное. И да! В идеале стребуй с ювелира вексель или долговую расписку на имя все того же де ла Веги. В городе наверняка есть представительства Банкирских домов Золотого Серпа, арендуй ячейку в одном из них, оставь в ней мешочек с парой жемчужин и получи деньги.

Маэстро понимающе хмыкнул. Я ответил недоброй ухмылкой, хоть пока еще не знал наверняка, кого и как наведу на купчую и мешочек с приметным вензелем. Но за этим дело точно не станет! Вот тогда и начнет обростать уликами моя собственная версия убийства маркиза Альминца. В затеянную сеньором де ла Вегой игру вполне можно играть вдвоем, и мы еще посмотрим, кто из нас более ловкий шулер!

2

Долго в приподнятом настроении мы с Микаэлем не пробыли. Маэстро Салазара безмерно расстроили последствия визита цирюльника, меня с небес на землю спустил портной. И если обстриженные усы помощника отрастут без каких-либо дополнительных усилий, то золото в кошельках само собой не прибавляется. Помимо дорожного платья и мужского костюма для Марты пришлось потратиться и на Уве. Заказал ему новые штаны, шерстяной жилет и пару сорочек, так что сумма итогового счета получилась более чем существенная.

– Не стоило, магистр, – проворчал смущенный этими тратами школяр, но я лишь отмахнулся. Если куртку удалось худо-бедно оттереть от крови, то распоротая и заштопанная рубаха потеряла всякий вид; ей была прямая дорога в половые тряпки.

– Ты клерк Вселенской комиссии и вид должен иметь соответствующий! – напомнил я, выкладывая на стол изрядно полегчавшие кошель. От выданных некогда архиепископом Фредриком двадцати пяти талеров не осталось ни пфеннига, ладно хоть из врученных им же голдгульденов я потратил всего три, да еще удалось сберечь пяток далеров из тех, которыми откупился мэтр юриспруденции в Рёгенмаре. И вот еще...

Я отвлекся на подступившую к столу Марту и нахмурился.

– Чего тебе?

– Ты обещал...

– Хватит! – рявкнул я. – Не видишь, я занят?! Не стой над душой!

Девчонка обиженно поджала губы и отошла, но мне было не до сантиментов, в голове шел подсчет наших сбережений. К уже высыпанному на стол золоту и серебру добавилось вознаграждение за решение проблемы с разгромленной таверной, и финансовое положение понемногу перестало видаться исключительно в мрачных тонах. Магистр Кирг до выплаты моей доли нелепыми медными квадратиками опускаться не стал, а полсотни марок – это ни много ни мало два десятка талеров имперской чеканки. Итого по приблизительным подсчетам расставленные в столбики серебряные и золотые кругляши тянули на семьдесят талеров. С точностью до крейцера привести разнокалиберные монеты к единому знаменателю мог разве что профессиональный меняла, но какой-никакой опыт в этих делах у меня имелся; если ошибся, то не слишком сильно.

Семьдесят талеров! Невероятная сумма для семейства кметов, но не для четверки путешественников, которым предстоит пересечь всю империю с запада на восток. К тому же не стоило забывать о срезанных краях и естественных потерностях, да еще после пристального изучения я распознал в двух побитых жизнью марках фальшивки: из-под стершегося слоя серебра проглядывала медная основа.

– Магистр!

На этот раз от подсчетов меня отвлек Уве. Он выложил на край стола учебник по работе с магическим жезлом, немного помялся и сказал:

– Он мне больше не нужен. Хочу продать и рассчитаться за одежду.

Учебник был снабжен весьма подробными иллюстрациями; даже потрепанный и зачищенный едва ли не до дыр, он стоил никак не меньше двух дюжин талеров, но я не успел освоить и половины описанных в книге техник, поэтому лишь коротко бросил:

– Забудь! – впрочем, сразу смягчился и продолжил уже не столь резко: – Уве, это моя обязанность – обеспечивать тебя всем необходимым, понимаешь? Если нужны деньги, я выкуплю у тебя учебник, но лучше не сейчас. Хорошо?

Пусть виду я постарался и не подать, но готовность слуги расстаться с самым дорогим своим имуществом произвела неизгладимое впечатление.

Святые небеса! Ох уж мне этот юношеский максимализм!

Уве принял ответ как должное и пожал плечами.

– Как скажете, магистр. Я просто подумал...

– Просто подумал? Это от избытка свободного времени, – заявил я и потребовал: – Принеси жезл!

После ранения Уве строго-настрого запретили усердствовать в работе с небесным эфиром, поэтому он лишь недоуменно захлопал глазами.

– Зачем?

– Неси! – потребовал я и позвал: – Марта! Иди сюда!

Ведьма быстро вышла в гостиную и с интересом уставилась на меня. Я указал ей на дальнюю стену и потребовал:

– Встань там и начинай медитировать, – а когда вернулся Уве, велел ему переложить жезл в левую руку и построить магический щит размером два на два локтя. – Только не накачивай его силой, – предупредил я школяра, когда тот на пробу махнул волшебной палочкой. – Просто сплети эфирную основу!

– А-а-а... – опешил школяр. – Но...

– Во-первых, тебе нельзя перенапрягаться.

– Я уже в порядке! – возразил Уве и немедленно закашлялся.

– Во-вторых, на сегодня твоя первоочередная задача – разработка левой руки. Поэтому никакой накачки щита силой, уяснил?

Школяр растерянно кивнул и принялся неловкими движениями создавать основу плетения. Работай он десницей, сотворил бы столь немудреное защитное заклинание в несколько касаний эфира, а так умудрился порвать две нити и не до конца затянуть ключевой узел, поэтому был вынужден развязать щит и начать все заново. Прежде Уве держал волшебную палочку в левой руке лишь во время фехтовальных поединков с маэстро Салазаром, а там было не до тонкой работы, оперировать приходилось едва ли не чистой силой.

Пока мои подопечные занимались приготовлениями к уроку, я ссыпал разложенные на столе монеты в кошель и унес их в спальню, а взамен прихватил невзрачный томик «Размышлений о нереальности нереального» Алфихара Нойля, откинул его обложку и полюбовался затейливым экслибрисом. Стоило бы вырвать первую страницу и спалить ее во избежание проблем с законом при возможном обыске, но преступным было обладание еретическим сочинением само себе, поэтому с этим решил не торопиться.

– Все готово, магистр! – объявил Уве.

Я оторвался от книги и скомандовал Марте:

– Расплети основу щита!

Девчонка недоуменно захлопала глазами, пришлось снизить до объяснений:

– Кто говорил, что не умеет преодолевать магическую защиту? Так упражняйся, пока есть время!

– Но я действительно не умею!

Я поднял руки и пошевелил пальцами.

– Вперед!

Марта подошла к Уве, замерла в нескольких шагах от школяра и неуверенно поежилась. Я не задействовал истинное зрение, поэтому не мог оценить структуру использованного слугой плетения, но едва ли то было слишком сложным, и все же попытка разрушить чары оказалась неудачной. Сверкнула тусклая вспышка, ведьма отшатнулась и принялась дуть на обожженные пальцы.

– Филипп? – обернулась она ко мне.

– Действуй! – приказал я.

Но без толку. Следующие три подхода завершились столь же болезненными выбросами силы, как и первый.

Поначалу Уве самодовольно улыбался, затем не выдержал и обратился ко мне:

– Магистр! Подобным образом повлиять на чужое плетение невозможно!

В серых глазах Марты стояли слезы. Она пришла к аналогичному выводу, но признавать невозможность выполнить данное наставником поручение не спешила. Стояла, молча хлопала ресницами и собиралась с решимостью повторить попытку, пусть даже та и была обречена на неудачу.

Пришлось несколькими тягучими вдохами погрузиться в легкий транс и оценить структуру щита, дабы подсказать Марте наиболее простое решение проблемы.

– Не пытайся рвать нити, без должной подготовки из этого ничего не выйдет. Просто распусти плетение.

– Но как? – в один голос выдали мои подопечные.

– Так же, как распускают вязанные вещи. Отыщи конец эфирной нити!

Жезлом осуществить столь искусное воздействие было чрезвычайно сложно, но истинные маги способны воздействовать на незримую стихию собственными руками, а пальцы – инструмент несравненно более тонкий, нежели любая волшебная палочка. Самым сложным для Марты оказалось отыскать кончик нити, а потом она дернула ее, и плетение рассыпалось.

– Ух ты! – только и выдал изумленный школяр.

– Создавай щит заново! – сказал я, возвращаясь за стол. – Но не меняй структуру и не накачивай ее силой.

– Но если затянуть финальный узел...

– Внесешь изменения, когда она начнет разрушать щит за два удара сердца! – отрезал я и погрузился в чтение.

Уве и Марта упражнялись до самого обеда. Школяр изошренно прятал кончик эфирной нити, ведьма выискивала ее и разрушала плетение, но пока что и близко не приблизилась к заявленным мной «двум ударам сердца». Возилась она всякий раз куда дольше, чем дал бы ей время в реальной схватке мало-мальски опытный противник.

Мой слуга особенно не утруждался, большей частью используя стандартные слабосильные схемы, и даже так к концу занятия его лицо покраснело, а лоб покрыли бисеринки пота. Я внимательно изучил его эфирное тело и после трапезы выгнал на свежий воздух, наказав гулять по имению никак не меньше часа. За время его отсутствия я попытался поставить Марте технику работы с незримой стихией, но особыми успехами девчонка похвастаться не могла. Если воздействовать на чужие чары у нее получалось отлично, то сплести эфир должным образом ведьма почти не умела. Мешало отсутствие полноценной теоретической базы и проблемы с самоконтролем.

– Медитации! – наставительно произнес я по окончании занятия. – Не пренебрегай медитациями!

А после с разрешения дворецкого отослал Уве и Марту в библиотеку графа, велел брать книги для чтения по своему усмотрению. Сам же вернулся к изучению «Размышлений о нереальности нереального», и, надо сказать, слог досточтимого Нойля вкупе с заковыристым почерком переписчика очень скоро начал вгонять меня в сон. С четверть часа я клевал носом, затем сдался и прямо в верхней одежде завалился на кровать. Еретический трактат был не особо объемен, ознакомление с ним не займет много времени, а вот послеобеденный сон – это святое.

3

В итоге я проспал до самого вечера; сказались накопившаяся усталость и нервозность последних дней. Вчера, как услышал об отказе в экстрадиции, сразу от сердца отлегло, а сегодня на свежую голову сообразил, что меня и жернова правосудия Грахцена замечательно перемолоть могут. Окажется у приора черно-красных влияния при дворе больше, нежели у магистра-управляющего здешнего отделения Вселенской комиссии, и начнут нам кишки мотать судейские. В переносном смысле – мотать, но так и так приятного мало. Да и Сильвио де ла Вега условиями закона не ограничен, мало ли какую пакость выкинет? С мишенью на спине жить – приятного мало...

Так что встал я не особо отдохнувшим и отнюдь не в лучшем расположении духа, а вот Микаэль из города вернулся в меру пьяным и не в меру веселым. С собой он притащил пару кувшинов вина; не забыл и про меня, презентовав небольшую бутылку грушевицы.

– Скоро полнолуние, помню-помню! – заговорщицки подмигнул бретер и кинул на стол солидно звякнувший кошель, после добавил к нему еще два. – Сделал все, как обговорили.

– И даже больше! – ворчливо заметил я, сунув палец в новую прореху плаща подручного. Рассекший ткань удар не пропорол бок, пожалуй, лишь чудом.

– Филипп, ты не представляешь, какие они тут нервные! – беспечно рассмеялся маэстро Салазар.

Я его легкомысленного тона не подхватил и холодно хмыкнул.

– Да неужели?

– Сам я на дуэль не нарывался, если ты об этом! – ответил Микаэль и потребовал: – Деньги пересчитай!

Не на шутку разобидевшись, маэстро откупорил один из кувшинов, наполнил бокал вином и немедленно его вылакал, и не подумав угостить меня.

– Налей! – пошел я на мировую, поскольку вразумлять помощника было пустой тратой времени; горбатого могила исправит.

Пока Микаэль возился с кувшином, я распустил тесемки первого из кошель и высыпал на стол пригоршню небольших по размеру монет, отливавших благородной желтизной. Разные гербы, разные надписи, но на всех до единого – изображение пророка. Дукаты.

Да оно и понятно: банкирские дома Келуи, Медьяно и Зальяни предпочитали рассчитываться с клиентами именно золотом, которое было на севере в большой цене еще со времен старой империи, а в наши дни безостановочным ручейком текло в руки предприимчивых дельцов с островов Солнечного архипелага. Что удивило, так это вырученная за жемчуг сумма. На первый взгляд в кошеле оказалось никак не меньше пяти дюжин монет.

Микаэль отпил вина и подтвердил мою догадку:

– Жемчуг был отборный, один к одному. Уж не знаю, насколько облапошил меня ювелир, получилось выжать из него по пятнадцать монет за штуку. Итого...

Маэстро Салазар запнулся, припоминая общую сумму, и я подсказал:

– Сто восемьдесят дукатов. Надо было часть суммы взять серебром.

Микаэль только руками развел.

– Ну извини, мог предупредить заранее!

– Не подумал, – вздохнул я и кинул подручному один из увесистых кошель. – Держи. Твоя доля. Только все сразу не спускай. До Ренмеля путь неблизкий.

Маэстро Салазар отсалютовал мне стаканом, мы выпили вина, и я отсчитал дюжину золотых дукатов, а остальные вернул в кошель и затащил тесемки. После разделил монеты на две равные стопки, намереваясь одарить ими Уве и Марту, и приступил к расспросам.

– Что говорят в городе?

– В городе? – вскинулся Микаэль. – Да это не город, а натуральное змеиное кубло! Ты только посмотри на мой плащ! Посмотри-посмотри! Я ведь никого не цеплял, даже шуточки о бороде мимо ушей пропускал! Точно-точно! Меня зарезать хотели!

– Грабители?

– Какой! – всплеснул руками маэстро Салазар. – Еще до визита к ювелиру зашел промочить горло в одно заведение, и сразу – драка! А ведь не трогал никого и даже косо не взглянул. Я был добр и благостен, поверь!

Я поверил и потому предположил:

– Думаешь, проследили от имения?

– Да нет, говорю же: кубло! – выдал Микаэль и пояснил: – Тут все друг с другом на ножах, понимаешь? Этот твой граф, к слову, от остальных нисколько не отличается. А меня за бретера на чьей-то службе приняли. У южан репутация вполне определенная сложилась, вот и решили на зуб попробовать.

Как оказалось, дворянские семейства Грахцена связывали не только кровные узы, но и кровная вражда. Правящая династия искусно играла на отношениях аристократов, исподволь стравливая их между собой, стычки в городе и даже нападения на чужие родовые гнезда были делом обычным и привычным. Очень условно можно было выделить три коалиции, при этом среди союзников шла ничуть не менее жесткая борьба за власть, просто вместо шпаг и пистолей в ход шли интриги и яды.

– Твой граф... – Микаэль отвлекся хлебнуть вина, вытер губы ладонью и продолжил: – Он из *журавлей*, но помимо всего прочего его прадед был бастардом тогдашнего монарха, причем бастардом признанным. В нашем хозяине течет королевская кровь.

– Черный святой символ! – Я вдруг сообразил, что именно означает наличие на гербе этого геральдического элемента. – У правящей династии звезда белая, бастарда пометили черной!

– Черной... – с непонятной усмешкой произнес маэстро Салазар. – Помнишь, я говорил, что граф подкрашивает бородку? Так вот, нынешний король, как и все его предки до какого-то там колена, – черноволосые, а магистр – шатен. Приходится бедолаге мучиться с париком и краской, дабы соответствовать венценосным родичам. Печаль-печаль.

Я посмеялся.

– Ничего смешного, – цокнул языком Микаэль. – Только за последний год на имение нападали дважды и было еще несколько стычек в городе. Графа полагают выскочкой, а его выбор ученой стези – проявлением слабости. Нравы здесь простые до безобразия.

– И все это ты узнал в первом попавшемся кабаке?

– Что значит – в первом попавшемся? – фыркнул маэстро Салазар, сдвинув на край стола опустевший кувшин. – Специально искал, где наемный люд собирается. Эта публика, сам понимаешь, ни один слух не пропустит. Иной раз сплетня жизнь спасти может, а то окажешься не на той стороне – и пока-пока.

– А сцепился с кем?

Маэстро Салазар лишь отмахнулся, я настаивать на ответе не стал и вместо этого спросил о герхардианцах.

– В здешней миссии ордена помимо приора полдюжины послушников и ловчий с парой братьев на подхвате. Несерьезно.

– Ну хоть так, – вздохнул я, раскрыл еретическое сочинение, но приступить к чтению помешал заглянувший в гостиную дворецкий. Его сиятельство приглашал спуститься на ужин.

Граф Хирфельд был мрачен словно туча, его домочадцы боялись и слово вымолвить, трапеза прошла в гробовой тишине. После хозяин имения пригласил меня в кабинет и посетовал на отсутствие каких-либо подвижек в деле.

– Увы, магистр, пока порадовать вас нечем.

– Приор намерен начать разбирательство?

– Приор еще не знает, будут разбирательства или нет, – с кислой улыбкой ответил граф. – Более того – он затруднился с ответом, пытались задержать вас братья или напали самозванцы.

– Боюсь, ничего не понимаю, – опешил я.

– Да что тут непонятного? – всплеснул руками магистр-управляющий. – Попытка вашего задержания возмутительна! Пусть разбирательство и затянется на долгий срок, но в результате действия герхардианцев неминуемо признают незаконными, а это грозит отзывом монаршего дозволения на открытие миссии. Но даже если до этого и не дойдет, репутационные потери будут катастрофичными! Понимаете, о чем я?

– Будет создан прецедент, – ввернул я юридический термин, и мой собеседник кивнул.

– Уверен: приор станет всеми правдами и неправдами тянуть время, ссылаясь на собственную неосведомленность и отсутствие ответа из Линбурга, – заявил граф Хирфельд, и на его осунувшемся лице заходили желваки. – Рано или поздно этой игре придет конец, но это

все время! От меня требуют переправить вас в империю незамедлительно, а я не представляю, как подвинуть прокурора изменить свое решение и дать санкцию на скорейший отъезд!

Я не знал всех политических раскладов, но прекрасно понимал, что в делах, подобных этому, случайностей не бывает. У королевского прокурора имелись собственные резоны поступить так, а не иначе. Быть может, он просто хотел насолить магистру-управляющему, а может статься и так, что все это – результат неких подковерных интриг.

Ангелы небесные! Сам я с легким сердцем задержался бы в доме графа еще на седмицу или две, да только глупо недооценивать герхардианцев. Они точно не упустят возможности решить проблему... неофициальными методами. Здешняя миссия невелика, но наше промедление позволит выписать подкрепление из Сваами или даже Майнрихта, а то и просто столкнуться с наемниками.

– Ладно! – вздохнул граф Хирфельд, понемногу успокаиваясь. – Ладно! Не берите в голову, магистр. Что-нибудь непременно придумаю.

Мы распрощались, и я вернулся в выделенные нам покои. К этому времени Уве и Марта разошлись по комнатам, и только маэстро Салазар сидел за столом и планомерно накачивался вином.

– Привет-привет! – помахал он мне и предложил: – Выпьешь?

Я отказался и скрылся в спальне. При моем появлении Марта прекратила отрабатывать сложную эфирную связку и с горечью бросила:

– У меня ничего не выходит!

– В университете научат, – пожал я плечами, уселся на кровать и снял туфли. – Сотворение чар не только искусство, но и наука. Сосредоточимся пока что на разрушении чужих заклинаний, да и морок тебе дается неплохо.

– Я хочу лечить, а не калечить! Созидать, а не убивать!

– Уясни одну простую вещь: мертвецы лечить не умеют. Хочешь выучиться тайному искусству – будь добра, потрудишься оставаться живой. Вот этому я тебя и учу.

Девчонка моментально успокоилась и надолго замолчала, потом задумчиво произнесла:

– Разрушение чар, морок... А внушение?

– И это тоже, – кивнул я. – Давай! Оцени мои ментальные блоки и попытайся их обойти. Не проломить, как в прошлый раз, а именно обойти.

Марта вдруг зарделась.

– Тебе действительно хочется этого?

Я закатил глаза.

– О женщина! Необязательно снова отращивать себе груди, придумай что-нибудь безобидное! Это тренировка, а не прелюдия к постельным играм!

Девчонка смутилась пуще прежнего, но тут же вспомнила о моих наставлениях, успокоила дыхание и чисто погрузилась в легкий транс, дабы почти без всякого перехода прибегнуть к ментальному доминированию и попытаться проникнуть за выставленные мной блоки. Этот запретный раздел магии давался Марте необычайно легко, но я без всякого труда отстоял свои мысленные бастионы от поползновений ведьмы, а под конец заставил обороняться ее саму; правда, не особо в этой контратаке преуспел. С пользой время провели, не без этого...

4

Следующее утро оказалось почти точной копией вчерашнего, разве что злой на весь белый свет Микаэль не ушел в город, а лечил головную боль остатками вина да отпускал язвительные комментарии в адрес Уве и Марты. Школяр продолжал упражняться в сотворении магических щитов, ведьма вновь занималась их разрушением, и, надо сказать, определенные успехи наблюдались у обоих.

Сам я углубился в изучение трактата о нереальности нереального и очень скоро напрочь позабыл о своих подопечных, оставив тех на попечение беспрестанно ворчавшего маэстро Салазара.

– Ты что творишь, бездарь?! – сокрушался бретер, не стесняясь в выражениях. – Да у тебя никак ослиная задница вместо головы! Три лишних узла! Три! Уве, ты бакалавр тайных искусств или свой жезл на помойке нашел?

Доставалось и Марте; ее маэстро именовал исключительно бестолочью, советовал позабыть о волшебстве и собирать грибы и ягоды, раз уж она в упор не видит слабых мест сотканного школяром чар. Я на эту ругань не отвлекался, всем моим вниманием завладели пространственные рассуждения Алфихара Нойля. Нет, в книге не было ровным счетом ничего интересного, да только написали ее языком столь заумным, что приходилось прилагать немалые усилия, чтобы вникнуть в смысл витиеватых словес.

При этом, как и говорил архиепископ Фредрик, ничего еретического или даже просто крамольного в этих рассуждениях не сыскал бы даже самый придирчивый ревнитель веры. Сначала автор пространно расписывал особенности осознания и принятия человеком абстрактных понятий и прослеживал изменения, происходящие при переходе от индивидуального восприятия к некоему коллективному и бессознательному аналогу этого действия. Дальше приводились доводы в пользу существования ментального плана бытия, где происходило взаимодействие того самого коллективного бессознательного.

Рассуждения, лишенные общей нити, очень быстро утомили, возникло даже впечатление, что в руки попал какой-то другой философский трактат, и я открыл титульный лист, но нет, черным по белому там значилось: «Рассуждения о нереальности нереального».

Нереальность нереального? Хотя бы слово об этом написано было!

Неужели пустышка? Неужели Роберт Костель польстился на броское название и ничего из этого сочинения для себя не почерпнул?

От невеселых размышлений отвлек вскрик Марты. Как оказалось, утомленный однообразием упражнения Уве смухлевал и закрепил конец эфирной нити узелком. Ведьма подвоха не заметила, в итоге ее ощутимо потрянуло выплеском силы. Обозленная девчонка трясла рукой, крыла школяра последними словами и грозила сходить за ножом, дабы под корень отчекрыжить шутнику тот орган, которым он думает, и речь шла отнюдь не о голове.

Микаэль кудахтал от смеха и вмешиваться в перебранку не спешил, пришлось отрываться от чтения и утихомиривать Марту самому.

– Смотреть надо было, куда пальцы суешь! – рявкнул я, с шумом захлопывая книгу. – И думать, что делаешь, а не повторять, будто дрессированная собачка!

– Но... – выдавила из себя оскорбленная в лучших чувствах девчонка и указала пальцем на подбоченившегося Уве. – Он изменил плетение! Я с таким не умею работать!

Школяр ухмыльнулся.

– Да с ним теперь и не сделать ничего, умею – не умею!

В отличие от большинства ритуалистов он и в грош не ставил способности истинных магов, так что я решил преподнести очередной урок сразу обоим своим подопечным.

– Ну-ка сплети щит! – потребовал я, и маэстро Салазар мигом прекратил покатываться от хохота и весь обратился во внимание, предвкушая очередное развлечение.

А вот Уве и бровью не повел. С непрошибаемой уверенностью в собственной правоте он несколькими уверенными движениями волшебной палочки воссоздал нужное плетение, не преминув и на этот раз закрепить конец эфирной нити. Я медленно выдохнул, заставил себя погрузиться в неглубокий транс и прибегнул к истинному зрению, а после недолгого изучения схемы указал Марте на один из узлов и потребовал сместить его относительно других вверх и немного в сторону.

Ведьма испытующе посмотрела на меня, затем с опаской выполнила распоряжение и шустро отшатнулась назад, когда эфирное плетение вдруг съежилось, скрутилось в сияющую точку и погасло.

Уве от изумления даже рот разинул.

– Но как, магистр? – округлил он глаза. – Это невозможно! Немыслимо!

Школяр закашлялся и спешно приложил к губам носовой платок, тогда я ободряюще похлопал его по плечу и посоветовал обдумать на досуге допущенную при сотворении чар ошибку, а после прогнал слугу в сад.

– И не вздумай до обеда навещать библиотеку! – предупредил его напоследок. – Тебе нужен свежий воздух! Заодно оцени магическую защиту имения. Вечером расскажешь о ее уязвимостях.

– А они есть? – усомнился Уве.

– Вот ты нам об этом и расскажешь! – отрезал я и обратил свое внимание на Марту. – Тоже не понимаешь, что случилось с плетением? А ты подумай!

– Подумать? – ухмыльнулся маэстро Салазар. – Девкам ум не нужен вовсе, бедра б шире, груди больше!

Ведьма так и взвилась.

– Умолкни, а не то отрежу твой поганый язык! – пригрозила она, выведенная из себя едким замечанием Микаэля.

Тот за словом в карман не полез и поманил девчонку к себе.

– Попробуй! Только не плачь, когда перегну через колено и отшлепаю по худосочной попке!

Марта даже зашипела от бешенства; тихо-тихо, будто ядовитая змея.

Я с тоской посмотрел на еретический трактат, к чтению которого никак не получалось вернуться, и вдруг расплылся в улыбке, осененный неожиданной идеей.

– Почему бы вам не заняться этим прямо сейчас?

На меня с недоумением уставились две пары глаз.

– Перерезать ему горло? – уточнила Марта. – Уверен, Филипп?

Микаэль не стал спрашивать разрешения выпороть ведьму и потребовал объяснений:

– Что ты имеешь в виду?

– Подготовь инвентарь и организуй учебный процесс. Уве ты неплохо натаскал, может, и здесь толк выйдет, – распорядился я и предупредил: – Только смотри, чтоб без членовредительства!

Маэстро Салазар задумчиво хмыкнул и перевел взгляд на озадаченную девчонку, затем пожал плечами и покинул гостиную.

– О чем это вы? – забеспокоилась Марта. – Филипп, ответь!

Я досадливо отмахнулся.

– Успокойся и начинай вспоминать схему создания иллюзорного полога, которой научил Уве. Без морока у тебя не будет ни единого шанса.

До обеда сойтись в учебном поединке Марта с Микаэлем не успели. Обучать девчонку премудростям обращения со шпагой маэстро Салазар посчитал излишним и для начала выстругал из найденных в саду палок два подобия кинжала, а там уже и на стол накрыли. За трапезой эта парочка кидала друг на друга столь многозначительные взгляды, что раздраемый любопытством Уве попытался задержаться в гостинной, но я велел ему закрыть шторой одно из окон, а после отослал изучать магическую защиту имения.

В комнате сгустились тени, Марта необычайно легко растворилась в них и едва заметным мороком скользнула к Микаэлю, чтобы немедленно согнуться в три погибели и на под-

кашивающихся ногах отступить назад. Палка противника ткнула девчонке точно в солнечное сплетение.

– Туше! – объявил маэстро Салазар и приложился к горлышку кувшина, не утруждая себя наполнением бокала.

Ведьма шумно выдохнула, восстановила дыхание и вновь укрылась покровом морока, но в лоб атаковать не стала и зашла со спины. С тем же успехом – за исключением того, что на этот раз пропустила хлесткий удар по запястью, выронила оружие и замерла с приставленной к шее палкой.

– А мне начинает это нравиться! – объявил Микаэль, отпуская девчонку. – Ну же, ведьма! Удиви меня!

Марта попыталась, маэстро не впечатлился, играючи сбил противницу с ног и покачал головой.

Я потер поясницу, злорадно ухмыльнулся и сходил в комнату за бутылкой грушевицы. Вытянул зубами пробку, плеснул в кружку, пригубил. Напиток оказался крепким и забористым, с приятным послевкусием груши, так что я сделал длинный глоток, шумно выдохнул и занялся еретическими рассуждениями о нереальности нереального. Скрип половиц, стук палок и короткие девичьи вскрики мне нисколько не мешали.

Подпитанного злобой и раздражением упорства Марты хватило на полтора часа. Очень скоро девчонка перестала полагаться на один лишь морок, и отработка иллюзорных чар плавно перешла в настоящий фехтовальный поединок, но за все время маэстро Салазар пропустил лишь два или три удара, да и то всякий раз размен оказывался в его пользу. Вот уж воистину: опыт не пропьешь!

В итоге ведьма запросила передышку, повалилась на стул рядом со мной и не удержалась от болезненного шипения.

– Не понимаю! – покачала она головой, вытерев полотенцем покрасневшее лицо. – Филипп, я не понимаю! Он словно видит морок насквозь!

– Он и видит, – спокойно подтвердил я. – Микаэль такой же истинный, как и ты. Простеца морок обмануть еще способен, но в истинном зрении твои эфирные пологи сияют как костер в ночи.

– И ты молчал?! – взвилась девчонка. – Молчал все это время, пока меня превращали в отбивную?

Я хлебнул грушевицы и холодно улыбнулся.

– Ставишь под сомнение мои педагогические способности?

Девчонка насупилась.

– Педагогические?

– Наставнические, – пояснил я ведьме значение незнакомого слова. – Хочешь поискать другого учителя?

– Нет! – моментально поникла Марта, но сразу взяла себя в руки. – Нет, Филипп! Так легко ты от меня не отделаешься. Ты обещал!

– Обещал-обещал! – рассмеялся услышавший эти слова Микаэль, который за время учебного поединка особо даже не запыхался. – Продолжим, детка?

Ведьма зло глянула на своего мучителя и понизила голос:

– Филипп, что мне делать?

– Есть способы обмануть истинное зрение, но эти плетения для тебя слишком сложны. Используй иллюзии. Создавай дополнительные цели, – посоветовал я.

Марта задумалась, потом злорадно улыбнулась.

О небеса! До чего же наивная девочка...

Я вздохнул и вернулся к чтению. К середине сочинения Алфихар Нойль слегка утомился от своих мудреных словес, прекратил витийствовать и понемногу начал переходить к заявленной в названии теме трактата, но пока что ничего интересного из сего еретического труда почерпнуть не удалось. Полагаю, не сумел сделать этого и мой зловерный профессор...

Я долил в кружку грушовицы и усмехнулся. Половина книги, половина бутылки. Как символично!

Пить я начал вовсе неспроста – хотелось встретить полнолуние во всеоружии. Опынение не только снимало нервное напряжение и прогоняло дурные мысли, но и делало неизбежные кошмары не столь пронзительно яркими и болезненными.

Марта тем временем осмыслила полученный от меня совет, обратилась к незримой стихии и закуталась в нее, превратившись в сгусток серого марева, а дабы сбить с толку Микаэля, создала дополнительно пару обманок. Маэстро Салазар чуть вином не подавился при виде них и смерил меня укоризненным взглядом, но протестовать не стал, лишь поудобней перехватил деревянный кинжал.

В идеале, Марте стоило бы сотворить два своих иллюзорных отражения, но одновременно двигаться, нападать и контролировать движения нематериальных марионеток под силу только опытным магам, а никак не лесной ведьме, только-только начинающей постигать основы тайного искусства. Впрочем, неплохо вышло и так. Пусть маэстро Салазар и определил, какой из теней обернулась Марта, но сделал это в самый последний миг и успел лишь уйти из-под удара, а не контратаковать. Девчонка тут же закружилась вокруг него, пытаясь запутать, сбить с толку и дотянуться импровизированным оружием.

Я вновь вернулся к чтению, но на этот раз меня очень скоро от него оторвали. Пусть от подавляющего превосходства Микаэля не осталось и следа, но он уверенно отбивался от нападок противницы и обычно доставал ее ответными выпадами, поэтому Марта возжелала узнать, что она делает не так на этот раз.

– Ты дышишь, – ответил я. – Скрипишь половицами и шуршишь платьем.

– О-о-о... – задумчиво протянула девушка.

– Но даже если разденешься донага, удержишь дыхание и станешь ходить на цыпочках, шансов особо не прибавится, – окончательно спустил я ведьму с небес на землю. – Собственное сердце тебе не остановить.

– Тук-тук-тук, бьется девичье сердечко. Тук-тук-тук! – немедленно рассмеялся Микаэль.

А вот Марте было не до смеха.

– Но зачем тогда все это? – зашипела она. – Вы развлекаетесь так, да?

– Тайным искусствам тебя научат в университете, – холодно ответил я. – Но до поступления в университет еще нужно дожить, поэтому ты со всем прилежанием будешь медитировать, укрепляя самоконтроль и связь с незримой стихией, разрушать чужие заклинания и пытаться ткнуть палкой маэстро Салазара. Отработка навыков выживания – вот твоя первоочередная задача, это ясно?

Марта понурилась, потом неуверенно кивнула.

– А теперь бегом умываться и марш в библиотеку. Чтобы до ужина я тебя не видел!

Девчонка обреченно вздохнула и отправилась в уборную, заметно припадая на отбитую тычком деревянного кинжала ногу.

Маэстро Салазар задумчиво глянул ей вслед и поскреб щеку.

– Надо будет научить бедняжку совмещать медитации и самолечение.

– Научи, – кивнул я, глотнул грушовицы и шумно выдохнул, а после раскрыл заложенную на нужной странице книгу. Пора уже разобраться с этими измышлениями о нереальности нереального...

Глава 3

1

За еретическим трактатом я просидел до самого вечера. Требовалось прилагать постоянные усилия, чтобы не упустить нить повествования, и дело было вовсе не в плескавшейся во мне грушковице. Слишком уж замысловато сплетал слова сочинитель, и мало-помалу возникло ощущение, что он изо всех сил старался донести до читателя некую мысль, но при этом упорно не называл вещи своими именами, а ходил вокруг да около. К тому же Нойль беспрестанно ссылаясь на труды неизвестных мне философов, как если бы поднятую им тему всерьез рассматривали до того многие ученые мужи.

Впрочем, понемногу рассуждения становились все откровенней и прямолинейней; стало ясно, что нереальным автор именует запределье, кое в его понимании «изнанка эфирной стихии, составляющей саму основу мироздания».

Ну да – напиши прямым текстом, что небесный эфир и запределье суть одно и то же, и мигом в келью монастыря на вечное покаяние отправишься, а так лишь самые упорные книжники посыл поймут, да и отбрехаться на суде всегда можно. Ну почти всегда...

Я перевернул очередной лист и обратил внимание, что он заметно плотнее соседних. Присмотрелся – так и есть, это слиплись страницы, пришлось аккуратно разделять их, подцепив краешек ногтем. Мучился отнюдь не зря: три абзаца оказались отмечены вертикальной чертой, рядом с безобразной кляксой на свободном поле чернела экспрессивная приписка: «Вот он, ключ ко всему!» – а далее следовало совсем уж неразборчивое добавление: «Забытый князь запределья?» Неровный угловатый почерк я узнал сразу; пометки были сделаны рукой профессора Костеля, чернокнижника и моего бывшего наставника.

«Вот он, ключ ко всему!»

Ключ?! Неужто попытки раздобыть это еретическое учение окупилась сторицей? Неужели именно размышления Алфихара Нойля столь сильно повлияли на профессора, что тот вознамерился обуздать одного из князей запределья?

Я шумно выдохнул и даже потряс головой, но опасения оказались напрасны: приписка со страницы никуда не исчезла. И столько экспрессии, столь восторга! Я хлебнул грушковицы, закрыл левый глаз, чтобы не двоились буквы, и углубился в чтение.

«Нереальное нереально! Запределье суть мусорная яма, заполненная обрывками мыслей, чаяний, молитв и страхов, силу которым придает извращенный несовершенством человеческой природы небесный эфир. Нет ни демонов, ни ангелов, но есть напитанные силой образы, сотворенные коллективным бессознательным и верой людей в сверхъестественных существ. Именно вера в действенность формул призыва вырывает из небытия тварей, именуемых порождениями запределья, именно вера в действенность ритуалов дарует чернокнижникам над ними власть. И ровно так же суеверная убежденность простецов в существовании загробной жизни воплощает в реальность воспоминания об умерших родственниках, рекомые беспокойными духами, а столь ужасающими чертами их наделяют страх смерти и чувство вины. Вполне логично, что фанатичная вера священников оказывается сильнее суеверий и легко стирает из реальности то, чему здесь не место. Вот и вся разгадка феномена экзорцизма.

Но наивно полагать, будто воображение одного-единственного человека способно сравниться с невыразимой мощью коллективного бессознательного, особенно в части корневых легенд и ключевых архетипов. Именно поэтому призванные неопытными демонологами твари столь слабы, именно поэтому чернокнижники столь жадно выискивают всяческие упоминания

о потусторонних созданиях и в особенности – об их истинных именах. Пропущенный через сознание одного человека эфирный поток ничтожен, но, если задействовать образы, придуманные много раньше и закрепленные истовой верой множества людей, результат превзойдет ожидания. И здесь скрывается ответ на вопрос, отчего столь непокорны демоны и почему никому еще не удавалось навязать свою волю ангелам. Бессчетное множество людей верит в них прямо здесь и сейчас, и одному человеку, пусть даже с кристальной ясностью мысли, не переломить чужих представлений о том, как надлежит вести себя столь могущественным сущностям.

Отсюда и казус вон Рута, отсюда и прочие слухи об адептах, которые сумели вернуть из небытия забытых языческих богов и получили возможность навязывать им свою волю. Одиночке не выстроить крепость и не отбить ее у толпы защитников, но один-единственный человек может овладеть заброшенным замком, главное только иметь представление о его расположении, потайных ходах и ловушках».

Стиснутая мертвой хваткой кружка лопнула в пальцах, окропившая стол грушовица забурлила и вспыхнула бесцветным, с голубыми лепестками пламенем. Правивший оселком клинок шпаги маэстро Салазар вскочил на ноги и уставился на меня во все глаза; я заставил себя разжать кулак, и на пол посыпались черепки.

Ангелы небесные, ну что за осел?!

– Микаэль, – ровным голосом обратился я к подручному, – скажи, что ты не ограничился одной бутылкой этого пойла!

Маэстро выразительно хмыкнул, но от комментариев воздержался и молча ушел к себе в комнату. Заливший стол напиток уже погас, так что я просто отодвинул книгу в сторону и задумчиво изучил левую ладонь, на той не обнаружилось ни царапины. Дрожали пальцы, да только дело было исключительно в нервах. Я понял, чего добивался профессор Костель, и не знал, плакать мне теперь или смеяться.

Осел! Чванливый самоуверенный осел!

Роберт Костель ничто не принимал на веру и высмеивал во время лекций даже признанных авторитетов, а его язвительность стала среди школяров притчей во языцех, но я и помыслить не мог, что упоение остротой собственного разума приведет профессора к ереси нигилизма.

Архиепископ Фредрик заблуждался, полагая Алфихара Нойля безобидным распутником. Этого мыслителя стоило отправить на костер за любой из очерченных моим покойным наставником абзацев. Слишком уж крамольными были высказанные им утверждения о нереальности ангелов небесных и демонов запределья. Слова о том, что они созданы неким «коллективным бессознательным» и являют собой напоенные эфиром верования людей, прямо подвели к мысли об отрицании Вседержителя. Что если пророк просто убедил своих последователей в существовании владыки небесного?

Ну конечно! Как же мог профессор Костель пропустить столь яркие славословия могуществу человеческого разума? Он вознамерился подтвердить их с помощью позабытого всеми князя запределья, которого посчитал «заброшенным замком». Насколько помню, Осиному королю было уделено немало страниц в «Именах всех святых»; то ли профессор выбрал его за наиболее проработанный образ, то ли из-за каких-то личных качеств мнимого праведника.

Роберт Костель не собирался призывать Осиного короля, он лишь хотел выдернуть из запределья и напитать эфиром чужие воспоминания и представления о нем! Мой слишком самоуверенный наставник принял за аксиому отсутствие у потусторонних созданий собственного разума и потому рассчитывал навязать созданному в ходе ритуала образу свою волю. Как же он должен был гордиться остротой интеллекта, если решился проверить на практике этот «истинно научный» подход в демонологии!

Накатило омерзение; я сплюнул и потянулся разорвать злосчастную книгу надвое, но на глаза вовремя попался экслибрис. Ну нет, от этого тома еще выйдет прок!

– И что это было? – спросил маэстро Салазар, протягивая мне принесенную из комнаты бутылку.

Ответа он не дождался. Я лишь неопределенно пожал плечами, забрал грушовицу и ушел в спальню, не забыв прихватить с собой и «Рассуждения о нереальности нереального». Там уселся на широкий деревянный подоконник, зубами выдернул пробку и надолго приник губами к горлышку запрокинутой бутылки. Внутрь потек жидкий огонь, но я не остановился, пока не ополовинил сосуд, ведь разочарование жгло куда сильнее алкоголя. Да еще желтело за облаками разбухшее пятно полной луны...

Нестерпимо хотелось напиться и забыться, этому славному процессу и посвятил остаток вечера. Никаких сложностей с накачкой алкоголем не возникло: ужин я проигнорировал, а грушовица оказалась на диво забориста, развезло меня очень быстро. В голове приятно шумело, отступили тревоги и заботы, оставило даже разочарование.

Да и с чего мне убиваться? Пусть «Размышления о нереальности нереального» и не помогут спасти душу несчастного братца, зато теперь предельно ясно, что ритуал был обречен на неудачу изначально и не имело никакого значения, провели бы его должным образом до конца или нет. Моей вины в случившейся катастрофе не было, но вот брат...

Я упустил его, не смог остановить! И кто бы теперь подсказал, как загладить тот роковой промах! Впрочем, и это режущее душу застарелой болью переживание в итоге утонуло на дне бутылки. Там еще что-то плескалось, когда я повалился на кровать, не став даже толком раздеваться; ограничился лишь тем, что стянул туфли и камзол.

Навалилось головокружение, комната начала раскручиваться перед глазами, словно реальность рвал эфирный смерч. Пришлось подняться и привалиться спиной к изголовью, тогда наваждение отпустило. Так и просидел, пока не появилась Марта.

Ведьма расшнуровала и стянула через голову платье, тихонько зашипела от боли и очень медленно и аккуратно улеглась на кровать рядом со мной. Белоснежно-бледная девичья кожа пестрела многочисленными синяками и кровоподтеками; маэстро Салазар скидок новоявленной ученице не делал и бил пусть и не в полную силу, но предельно жестко.

– Сил нет, – пожаловалась Марта, опуская заслонку ночника.

– Спи, завтра легче не будет, – сказал я и закрыл глаза.

Проснулся среди ночи. Штору никто задернуть не удосужился, и луна светила в лицо своей мерзкой желтизной. Голову ломило, в ушах звенело, пересохла глотка. Я пошарил рукой в сгустившейся за кроватью темноте, ухватил кувшин и надолго приник к его горлышку. Напился, но часть воды пролилась на грудь, пришлось стягивать мокрую сорочку через голову. Заодно избавился от штанов, а после и от исподнего.

Марта тихонько посапывала на кровати, я осторожно улегся рядом. Сна не было ни в одном глазу, поэтому уставился в потолок и начал обдумывать свои дальнейшие действия. Не грядущее возвращение в империю, разумеется, а пути спасения души моего непутевого братца. Увы и ах, заточенная в шаре алхимического стекла тень князя запределья нисколько помочь в этом не могла, да и «Размышления о нереальности нереального» не содержали в себе никаких полезных откровений. После ознакомления с ними стала ясна изначальная ущербность затеи профессора Костеля, но и только.

И что делать? Что мне теперь делать?

Понемногу начала накатывать сонливость, я перевернулся на бок и вдруг увидел, как из уха Марты выползает темный осиный силуэт.

– Ангелы небесные! – невольно вырвалось у меня, и в тот же миг девичье тело рассыпалось сонмом ненавистных насекомых. Комнату заполонило отвратительное жужжание, осы

засияли ядовитым огнем и упали на меня, окутали копошащимся слоем, вдавили в перину и своей противоестественной тяжестью заставили ее прогнуться и прорваться, забросили прямиком в запределье!

Миг – и я оказался распластан на холодном камне, а кругом раскинулась беспредельная серость. От нее меня отделяли только сияющие линии начертанной на камне семиконечной звезды да мерцающая окружность, в которую та была вписана. Багряное свечение текло вверх от магической фигуры и не меркло даже, но распадалось на отдельные всполохи, словно пустота растворяла в себе кроваво-красное сияние, не давая тем подняться на высоту более локтя.

Запределье? Семиконечная звезда? И сам я внутри, точно призванный демон?!

Рывком я вскочил на ноги и обнаружил, что во мраке и бесцветье проявились очертания стен и провалы далеких окон, словно меня забросило в невероятных размеров фантазмагорического зала.

– Ну вот и вы, профессор Костель... Мы вас заждались!

Зазвучавшие в голове голоса заставили вздрогнуть и завертеть головой по сторонам.

– Я – Филипп! – хрипло выкрикнул я и тут же осекся, разглядев вставшие в углах семиконечной звезды фигуры. Этим бесполезно что-то объяснять. Эти не поверят.

Четыре юноши, две девушки и полная копия меня самого, только помолодевшая на пять лет. Соученики и брат...

– Ты предал нас! Подвел и обрек на муки вечные!

Слова прозвучали абсолютно синхронно, словно мои пленители были единым целым, а их юные лица оставались бесстрастны, никак не проявлялись эмоции и в голосах. И это пугало даже больше творящегося кругом абсурда. До дрожи поджилок пугало, до слабости в коленях. Но все только начиналось...

Сияющие линии звезды не остановили призраков, семь пар рук протянулись, намереваясь ухватить мертвой хваткой и разодрать душу и тело, но не успели. За миг до того меня будто пронзили невидимым крючком и как заглотившую наживку рыбину утанули куда-то наверх.

2

Я очнулся на кровати весь мокрый от пота, пальцы судорожно стискивали сдернутые с прикроватной тумбочки четки, зубы скрежетали, но даже так сдерживать рвущийся наружу крик уже не было никаких сил. Помогла Марта.

Девчонка навалилась сверху, прижалась всем телом и успокаивающе шепнула:

– Тсс... Это лишь сон, просто дурной сон.

Сон?! Полнолуние?

Я сипло выпустил через стиснутые зубы воздух из легких, и тогда улегшаяся на меня девчонка стала напевать колыбельную. Тихо-тихо, на самой грани слышимости, но большего и не требовалось. Закаменевшее от пережитого ужаса тело понемногу расслабилось, я наконец задавил рвавшийся из глотки крик и обмяк, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. После уснул.

Встал я поздно, пропустив и завтрак, и отъезд графа Хирфельда на службу. Поднялся с кровати совершенно разбитым, да еще на плечах огнем горели свежие царапины. На миг мелькнула дурацкая мысль, что падение в запределье не привиделось в кошмаре и это дотянулись бывшие соученики, но конечно же нет – ссадины оставила пытавшаяся унять мои судороги Марта.

Ведьмы, к слову, в комнате не было. Я напился, оделся и вышел в гостиную, как ни странно, пустую. Там сразу уловил доносящийся из сада звон клинков и выглянул в открытое

окно. Маэстро Салазар крутился волчком, отражая выпады беспрестанно атаковавших его Уве и Марты. Школяр неплохо владел шпагой, но еще не оправился после ранения и потому двигался скованно и нередко отступал на полушаг назад, чтобы перевести дух и после вернуться на прежнюю позицию. Его жезл лежал на скамейке, к эфиру мой слуга не обращался вовсе. А вот Марта мало того что ничуть не уступала в скорости движений наставнику, так еще и пыталась запутать того иллюзиями и мороком. Впрочем, безуспешно.

– Микаэль! – позвал я подручного. – Поднимайся! Есть дело.

– Сейчас!

– Поднимайся! Ты совсем их загонял!

Маэстро Салазар презрительно фыркнул и опустил оружие.

– Продолжим в другой раз, – оповестил он подопечных, подхватил наброшенный на спинку лавки камзол и прошел в дом.

Марта вытерла покрасневшееся лицо платком и напомнила Уве:

– Пора пить отвар!

Школяр испустил горестный вздох, но противиться ведьме не стал и отправился вслед за Микаэлем. А тот, поднявшись в гостиную, первым делом приложился к стоявшему на столе кувшину с водой.

– Желаете похмелиться? – полюбопытствовал маэстро Салазар с ехидной полуулыбкой. – Перегонного вина коварнее нет – согреет в долгую ночь, но горьким станет рассвет!

Я страдальчески сморщился и кинул на стол том «Размышлений о нереальности нереального».

– И что? – вопросительно изогнул бровь Микаэль.

– Тебе надо выбраться в город... – начал было я, и наострившая уши Марта немедленно вмешалась в разговор:

– Мне нужны травы, иначе скоро нечего будет заваривать!

Уве, который с несчастным видом давился горьким настоем, с надеждой посмотрел на меня, но я в ответ погрозил школяру пальцем и разрешил ведьме:

– Скажешь Уве, он составит список. А лучше сама начинай в чистописании упражняться. В университете без этого умения делать нечего.

– Ну уж нет! – возразил маэстро Салазар. – Еще не хватало чужие каракули разбирать! Я на память не жалуюсь, запомню.

– Купи тогда кипрея узколистного, мяты и душицы, – попросил я, не желая и дальше обходиться без привычных травяных чаев. – Но главное – это книга...

Микаэль молча выслушал мои инструкции и привычным движением потянулся закрутить ус, но тот был слишком коротко обстрижен, и маэстро пришлось довольствоваться оглаживанием худосочной бородки, за которую пыталась сойти отросшая за последнее время щетина. Впрочем, у меня самого вид был ничуть не лучше...

Я подавил тяжкий вздох и уточнил:

– Все понял?

Маэстро Салазар кивнул.

– Не поручусь, что это сработает, но сделать – сделаю, – пообещал он, натянул поверх рубахи камзол и объявил: – Ладно, кому каких гостинцев еще принести?

Грядущая вылазка в город и предвкушение скорого похода по тавернам и кабакам привели Микаэля в превосходное расположение духа, он собрал заказы и помахал нам ручкой, тогда я смерил внимательным взглядом Уве и Марту. Школяр после учебного поединка дышал неровно и время от времени глухо покашливал, а ведьма вспотела и покраснелась, привычная бледность ее щек уступила место румянцу.

Хлопком я привлек к себе внимание и велел школяру сотворить основу магического щита, а Марте дал команду его развеять. Та справилась с заданием куда быстрее прежнего,

и Уве усложнил схему, затем еще и еще. Вскоре мне даже пришлось подсказывать девчонке способы разрушения заклинаний помимо распускания основ, смещения энергетических узлов и замыкания силовых линий, а уже в самом конце занятия Уве использовал тройное плетение с дополнительным набором стабилизирующих точек и глянул на меня с затаенной улыбкой.

Столь сложное заклинание было проще разрушить мощным эфирным выплеском, нежели тратить время на его поэтапное распутывание. Я задумчиво хмыкнул и усилием воли погрузил сознание в чуть более глубокий транс, но, прежде чем отыскал решение подкинутой школяром задачки, Марта запустила пальцы в призрачную структуру чар и развела руки в стороны, сотворив в магическом щите изрядных размеров прореху. Шаг – и она на той стороне, а за спиной с едва слышным гулом сомкнулось неповрежденное плетение.

Уве так изумился, что даже не попытался уклониться от нацеленного в живот девичьего пальца. Марта ткнула его неровно обстриженным ногтем, имитируя удар ножом, и с победной улыбкой обернулась ко мне. Не оставалось ничего, кроме как поаплодировать. Я и в самом деле был впечатлен.

– Это как игра в веревочки! – объявила девчонка, и Уве сдавленно хрюкнул.

– Приводите себя в порядок, сейчас будем обедать, – распорядился я, заметив показавшегося в дверях дворецкого.

– А потом? – тут же уточнила Марта. – Продолжим?

– Потом у тебя свободное время в библиотеке. И не забывай о чистописании! – ответил я и указал на Уве. – А от тебя жду доклада по магической защите имения. Подробного доклада с указанием слабых мест!

Школяр не удержался от горестного вздоха, подошел и понурился.

– Магистр! – неуверенно протянул он. – А какой смысл...

– Уве! – перебил я его. – Тебя ведь неспроста переучивают держать жезл левой рукой. Микаэль разве не говорил о замеченных в эфирном теле нарушениях? Быстрые выплески больших объемов энергии не для тебя, а техники ювелирного воздействия на незримую стихию – это прерогатива истинных, но никак не ритуалистов.

– Ясно, – тяжело вздохнул слуга.

– У тебя не так много путей сделать карьеру во Вселенской комиссии, – продолжил я. – Полевая работа – не твое. Загнешься. Так что либо станешь экспертом по ритуалам и схемам, либо так и останешься прозябать... даже не на вторых ролях, а на подхвате. Разве что по административной части в канцелярии карьеру сделаешь, но это вряд ли. Там немного другие правила игры.

Уве шмыгнул носом и спросил:

– Хотите сделать из меня теоретика?

– У теоретика есть неплохие шансы получить назначение магистром-экспертом, а там при малой толике везения и следственную группу возглавить можно. Тем более что твои способности останутся при тебе, а при работе с большими потоками энергии в обязательном порядке используются формулы, смягчающие магический откат. Этот путь для тебя также остается открытым.

Школяр запустил пятерню в копну волос, взлохматил их и кивнул.

– Звучит разумно, магистр. Я учту.

Но было видно, что в своих мечтах он разит врагов взмахами волшебной палочки, ведь сеньорита Лорелей Розен точно не обратит внимания на книжного червя, посвятившего себя теоретическим разделам тайных искусств. Я был с таким настроением категорически не согласен. Живому скучному книжнику привлечь внимание девушки несравненно легче, нежели лихому боевому магу, гниющему где-то в общей могиле, а то и вовсе в помойной канаве. Если сами магистры-исполняющие гибли при исполнении служебных обязанностей не так уж и часто, то

шансы их подручных на долгую жизнь были далеко не столь высоки. Особенно у новичка с нестабильными способностями к волшебству.

Так что сразу после обеда, когда Марта отправилась в библиотеку, я велел школяру со всем тщанием нанести на лист писчей бумаги схему поместья и отметить на нем контуры магической защиты. К моему немалому удивлению, никаких сложностей с этим у школяра не возникло. Линии из-под гусиного пера выходили прямые и четкие, да и с пространственным мышлением у слуги оказался полный порядок. Немного сбился он только при отрисовке силовых линий, призванных сигнализировать о вторжении чужаков, но справился в итоге и с этим.

– И что скажешь? – поинтересовался я, когда рисунок был готов.

– Вот здесь и здесь идет одинарное плетение, – указал Уве на точку в непосредственной близости от ворот, а затем сместил палец к флигелю слуг. – Там всегда охрана бдит, за счет этих участков решили разгрузить схему.

– Сколько в имении колдунов?

– Помимо графа только один, его племянник.

Я припомнил молодого человека, имевшего несомненное сходство с нашим хозяином, и уточнил:

– Еще что скажешь?

– Защита привязана к местности в узловых точках, они увеличивают стабильность чар, но замедляют обратную связь. На участках с двойным плетением это не критично, а вот при разрушении одинарного сигнал о вторжении запоздает. Ненадолго, но у налетчиков появится фора в минуту или даже две.

– Составь схему дублирующего контура. Укрой его под основной защитой, только не забудь компенсировать возможное наложение силовых потоков и огради их от слияния. И да – это должен быть полностью независимый блок с отдельным управлением.

Уве растерянно поскреб затылок.

– Здесь одних расчетов на несколько дней! Обычную защиту я могу поставить уже к вечеру, но маскировка и согласование с имеющимся плетением – там все сложно...

– Ну так и ты в университете штаны не зря протираешь, ведь так? – усмехнулся я. – Выше нос! Самому тебе ничего делать не придется, схему отдашь графу. Со своим уставом в чужой монастырь не лезут, знаешь ли.

Слуга кивнул, взял лист с подсохшей схемой и обреченно вздохнул.

– Пойду в библиотеку, там что-то было по ритуалистике.

Я тоже в гостиной оставаться не стал и отправился в спальню, где завалился на кровать и забылся беспокойным сном, а уже на закате меня разбудил вернувшийся из города Микаэль.

– Тук-тук! – сказал он, встав в дверях, икнул, покачнулся и навалился плечом на косяк.

Я продрал глаза и уставился на подручного.

– Так понимаю, сходил успешно?

– Успешно-успешно! – подтвердил маэстро Салазар, прошел в комнату и плюхнулся на стул. Он уже успел сбрить ненавистную бородку и даже придал укороченным усам некое подобие былой формы.

– От берета и серьги избавился?

Микаэль кивнул и спросил:

– И что теперь?

– Теперь ждем.

– У моря погоды? – съязвил маэстро Салазар.

– Возвращения нашего гостеприимного хозяина, – ответил я, поднялся с кровати, взял шпагу и кинжал. – Хочу размяться. Ты со мной?

Микаэль лишь покачал головой: сегодняшней вечер он намеревался провести в куда более приятной компании кувшина вина.

Вопреки обыкновению, граф Хирфельд вернулся домой далеко за полночь; к этому времени я успел пофехтовать с тенью, отужинать и сойтись с Мартой в ментальном противостоянии. Понемногу даже начал беспокоиться, не случилось ли с магистром-управляющим какой беды, но волновался напрасно. Дело оказалось в аврале на работе, и сразу после возвращения в имение граф затребовал меня к себе.

– Случилась странная история, – заявил он, принеся извинения за столь поздний вызов.

– Я весь внимание, магистр, – ответил я, опускаясь в кресло.

– Бренди? Нет? Ну тогда слушайте. – Граф устало вздохнул, замолчал, собираясь с мыслями, после начал рассказ: – Одному из книжников принесли на оценку сочинение из разряда запрещенных. Разумеется, он сразу уведомил нас об этом, но продавец куда-то спешил и ограничился распиской в получении книги, а вырученные за ее продажу средства должны были поступить в Банкирский дом Монтальери.

– Действительно странно, – улыбнулся я. – Сказал бы даже: опрометчиво.

Граф Хирфельд приложил хрустальный бокал ко лбу и покачал головой.

– Это еще не самая большая странность. Продавец выглядел как южанин и представился Сильвио де ла Вегой.

– О-о-о! – выдохнул я, округляя глаза в насквозь притворном изумлении. – Не может быть!

– Если не ошибаюсь, именно так звали попытавшегося задержать вас официала ордена Герхарда-чудотворца?

Я развел руками.

– Как его звали, можно лишь гадать, но представился он именно так.

Магистр-управляющий кивнул.

– Естественно, я немедленно затребовал книгу себе.

– Что за фолиант?

– Не важно, – отмахнулся граф Хирфельд. – Главное, что в нем обнаружился экслибрис маркиза Альминца.

Я хмыкнул, изобразил крайнюю степень задумчивости, затем осторожно произнес:

– Если принять во внимание угрозы, что при обыске у нас будут изъяты вещи его светлости, все становится на свои места. Теперь нет никаких сомнений, что за убийством маркиза и моими злоключениями стоит именно орден, а эта книга – та самая улика.

– Не только книга, – заметил магистр-управляющий. – Де ла Вега арендовал ячейку, из нее мы изъяли мешочек с вензелем маркиза Альминца с парой жемчужин и купчую о продаже еще дюжины штук одному из местных ювелиров.

– Очевидно, де ла Вега отчаялся подбросить их мне и решил обратиться в деньги! – высказал я вполне очевидное в этой ситуации предположение, просившееся на язык само собой.

Взгляд серых глаз собеседника уколол неожиданным интересом, но уколол и потух.

– Должно быть, так... – отстраненно произнес граф Хирфельд, который явно сомневался в столь вопиющей безалаберности официала ордена Герхарда-чудотворца. – Вопрос, дорогой друг, в том, что со всем этим делать мне.

– Нет ничего проще! – приободрился я. – Тут и думать нечего! Ваш долг – незамедлительно сообщить об этом канцлеру. Полагаю, вновь открывшиеся обстоятельства помогут свести к минимуму ущерб для репутации Вселенской комиссии, и ваше усердие будет по достоинству вознаграждено!

И вновь по мне скользнул пристальный взгляд, и вновь граф не стал высказывать никаких сомнений и подозрений. Он лишь откинулся на спинку кресла и сказал:

– Увы, магистр! Нет никакой возможности доказать, что этот де ла Вега является официально герхардианцев. Одного вашего слова недостаточно. Да и вы утверждаете это, основываясь на словах несомненного преступника. Ни один суд не примет в расчет подобных утверждений.

– А это уже не ваша головная боль. – Я задумался и прищелкнул пальцами. – У вас при отделении есть штатный портретист?

– Нет, но мы сотрудничаем с одним из художников.

– Отлично! Тогда пришлите завтра его ко мне, я опишу де ла Вегу, и вам останется лишь провести опознание у книжника, ювелира и в банкирском доме. Это дополнит картину и позволит выйти на след проходимца. Возможно, получится даже связать его с орденом.

– Уверены, что портрет окажется точен? – усомнился магистр-управляющий. – Сходство должны будут подтвердить сразу несколько человек...

Я лишь беспечно улыбнулся в ответ.

– Уверяю вас, с этим сложностей не возникнет!

Граф Хирфельд кивнул и допил бренди.

– В докладе я непременно упомяну о вашем участии в этом деле, магистр.

И вот тут у меня возникли большие сомнения, что граф намерен отдать должное моим советам. Слишком уж явственно повеяло скрытой в словах угрозой.

3

Портретист прибыл в имение в первой половине следующего дня, и я не стал все усложнять, плюнул на конспирацию и велел художнику использовать в качестве модели маэстро Салазара.

– Только уберите горбинку и сделайте нос прямым, смягчите скулы и черты лица в целом, добавьте короткую бородку, надбровные дуги должны быть немного выше и не столь массивными и конечно же – никакого шрама поперек лба.

Присланный магистром-управляющим портретист глянул на меня с нескрываемым раздражением.

– Желаете превратить уроженца Лавары в гиарнийца, так и скажите об этом прямо!

– Именно этого я и хочу. На голове нарисуйте берет, а в ухе серьгу. Ее раскрасьте зеленым.

Художник установил складной мольберт, который принес с собой, и принялся быстрыми, четкими и уверенными движениями грифеля набрасывать лицо Микаэля, попутно внося озвученные мной изменения. Я стоял у него за плечом, игнорировал злобное сопение и время от времени влезал с непрошеными советами. Портретист закатывал глаза и апеллировал к ангелам небесным, но меня в итоге устроил только третий вариант.

Нет, к мастерству художника никаких претензий не было, просто не так-то и легко оказалось совместить в одном человеке черты Микаэля и Сильвио, пусть даже для местных обитателей все южане и были на одно лицо. Ладно хоть еще изначально имелось некоторое сходство, благодарить за которое следовало малое переселение народов, как именовали то событие ученые мужи.

После Дней гнева, когда южная часть материка ушла под воду, некоторые населявшие нынешнее побережье Каменного моря народы отправились в поисках лучшей жизни на запад. Те, кто осел в Лаваре, через какое-то время смешались с исконными обитателями тех мест, а вот их перебравшиеся через Медланские горы родичи с местными не церемонились и сохранили относительную чистоту крови. Именно по этой причине гиарнийцы куда больше походили на уроженцев Золотого Серпа, нежели на ближайших соседей – лаварцев.

Как бы то ни было, портретист не подвел, и при взгляде на его работу всякий с легкостью опознал бы ранее виденного человека: Микаэля или Сильвио, в зависимости от того, с кем

доводилось общаться прежде. За весьма умеренную плату художник сделал дополнительную копию рисунка, а граф Хирфельд не отказал в любезности предоставить мне еще один пакет протоколов помимо уже отправленного в Ренмель.

– Уверены, что это необходимо? – лишь уточнил он.

– Кому как не вам знать о неповоротливости бюрократических жерновов, магистр? – печально улыбнулся я. – В Ренмеле мне придется держать ответ за свои действия, и не хочется оказаться в самый ответственный момент, простите, без штанов.

Графу этот аргумент показался вполне разумным, так что уже на следующий день в моем распоряжении оказались копии показаний книжника, ювелира и банковского клерка, в которых они подтверждали, что именно изображенный на портрете сеньор сбыл им имущество покойного маркиза. Стоило бы порадоваться успешному началу своей ответной интриги, но особых поводов для веселья у меня как раз и не было. Приор здешней миссии ордена Герхарда-чудотворца продолжал хранить молчание; граф Хирфельд то обивал ее пороги, то отправлялся на поклон к королевскому прокурору, но сдвинуть дело с мертвой точки не мог и день ото дня мрачнел все сильнее и сильнее.

Ладно хоть Уве заметно окреп и отошел от последствий едва не прикончившего его ранения. Школяр стал все чаще выбираться из библиотеки, где корпел над моим заданием, и присоединялся к фехтовавшим в саду Марте и Микаэлю. Маэстро его благоразумно не нагружал и позволял ведьме отрабатывать на моем слуге ножевые удары, а того, в свою очередь, наставлял в защите от оных. С каким нежеланием маэстро делился своими познаниями во врачевании, с такой же охотой он обучал своих подопечных высокому искусству поножовщины.

Через открытое окно до меня то и дело доносились его громогласные крики.

– Ну куда тычешь, бестолочь? Как ты бьешь? Доворачивай! Доворачивай кисть! Да не отскакивай ты, не дергай рукой! Уклонение и скользящим движением по сухожилию!

Иногда посмотреть на тренировки собирались домочадцы графа, но обычно хватало пары свирепых взглядов фехтмейстера, чтобы зеваки отправлялись восвояси. Изредка я и сам принимал участие в поединках, но чаще на это время запирался в спальне и крутил волшебную палочку, отрабатывая наиболее сложные связки и переходы, без которых попросту не мог продвигаться во владении жезлом дальше. Фехтовать с Микаэлем я предпочитал наедине, отослав подопечных в библиотеку. Да еще ходил медитировать в часовню, благо духовник графа навещался туда только для отправления богослужений, а все остальное время в храме царили тишина и спокойствие.

Марту и Уве я так же регулярно заставлял погружаться в транс, и если ведьма занималась усилением и проработкой эфирного тела, то школяру приходилось выискивать гипертрафированные энергетические узлы и пытаться перенаправить силовые токи в обход них. На практических занятиях мы перешли от разрушения магических щитов и пологов к перехвату атакующих заклинаний, и вот здесь особыми успехами девчонка похвастаться не могла. Даже элементарное осветительное заклинание обжигало пальцы, поскольку Марта попросту не успевала ни распустить брошенное в нее плетение, ни перехватить над ним контроль.

– Больно! – жаловалась ведьма, тряся руками.

– Отбивай! – сдался я, оставив попытки растолковать основы дистанционного управления чужими заклинаниями, в которых и сам разбирался не лучшим образом. – И постарайся окутать кисть защитной пеленой. Сотки перчатку.

– Перегорит, – предупредил Уве.

– Если хватать и держать – да, а отбить точно успеет. Но вообще это неправильно. Развивай самоконтроль! Перехватить осветительный огонек – плевое дело!

Марта пробурчала в ответ нечто невразумительное и занялась отработкой техники создания силовой перчатки, а я забраковал Уве очередной проект улучшения магической сигнали-

зации имения и прогнал его корпеть над схемой в библиотеку. Сам отправился в сад, где пил вино маэстро Салазар.

С каждым днем воздух прогревался все сильнее, и сегодня Микаэль не стал надевать камзол, пусть в тени остролистов и было свежо.

– Угощайся! – указал он на кувшин.

Я покачал головой и заметил:

– Ты кажешься вполне довольным жизнью, друг мой.

– А есть повод горевать? – удивился Микаэль. – Вино, тишина и спокойствие – чего еще можно желать?

– Чего? – нахмурился я. – Например, убратся отсюда! Ты ведь не думаешь, что герхардианцы просто так тянут с ответом вот уже вторую седмицу? Наверняка замышляют какую-то пакость!

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – легкомысленно улыбнулся маэстро Салазар, отхлебнул из кружки и развел руками. – Но это не означает, что я не могу получать удовольствие от вина и безделья!

– Прихватят нас на выезде из города...

– Тогда и начну нервничать. А пока – уволь.

Я в сердцах выругался, но сразу взял себя в руки и спросил:

– Как тебе Марта?

Микаэль pokrutil отросший ус и неопределенно пожал плечами.

– Двигается очень легко и схватывает все на лету. Из девчонки может выйти толк, но пока она имеет весьма смутное представление, куда следует бить, и совершенно точно не умеет этого делать правильно.

– Брата-заклинателя она уложила наповал.

– Она и тебя подрезала, Филипп, – ухмыльнулся маэстро Салазар. – Но пока что оба эти случая проходят по разряду случайного везения. Ну или около того.

– Тебе видней.

– Мне? – прищурился фехтмейстер. – Почему тогда не посоветовался, решив завести цепного убийцу магов? Я бы сказал этого не делать.

– Цепного? Брось! Марту со мной ничего не связывает, от меня ей нужны лишь знания. Микаэль расхохотался.

– Кого ты хочешь убедить, Филипп, меня или себя самого? Да она без ума от тебя! Втрескалась по уши. Не думаешь ведь, что был первым колдуном, который проезжал через те места? А ты еще не от большого ума огуливаешь ее со всем усердием, как только кровать не развалилась до сих пор!

– Брось!

– Я тебя нисколько не осуждаю, – ухмыльнулся маэстро Салазар. – Просто взываю к благоразумию. Вспомни о моих словах, когда надумаешь завести очередную пассию. Ладно, если Марта ей глотку перехватит, а ну как тебе?

– Что за язык у тебя такой? – только и вздохнул я.

– Провидца заклеить позором – глупца привычная стезя, – флегматично продекламировал в ответ Микаэль, переливая из кувшина в кружку остатки вина. – На что глупцу чужая мудрость, когда... – Стихотворец запнулся, несколько раз щелкнул пальцами, пытаясь ухватить рифму, а затем махнул рукой. – Ну ты понял, да?

Я презрительно фыркнул и ушел в дом.

4

Жизнь текла с изматывающей размеренностью, лишь раз посреди ночи нас разбудили приглушенные звуки стрельбы. Как выяснилось поутру, причиной переполоха стало нападение кровников на одно из дворянских поместий неподалеку.

– Обычное дело, – сказал мне магистр-управляющий. – Иногда горячие головы не довольствуются поединками и решают вопросы чести более...

– Кардинально? – предложил я свою трактовку.

– Именно, – улыбнулся граф и отправился на службу.

Подвижки случились на двенадцатый день нашего пребывания в Лёнинцгене. В тот вечер магистр-управляющий вернулся со службы в непривычно приподнятом настроении и не преминул обрадовать меня, едва ли не первый раз обратившись при этом по имени:

– Филипп, у меня для вас две новости!

– В самом деле? – насторожился я.

– И обе хорошие, если не сказать – замечательные! – подтвердил граф, плеснул себе в хрустальный бокал бренди, но пить не стал и лишь принял к аромату выдержанного в дубовых бочках напитка.

Я уставился на собеседника, пытаюсь уловить скрытый в его словах сарказм, но, пожалуй, впервые с момента нашего знакомства магистр-управляющий не напоминал сжатую пружину, а был благодетен и расслаблен.

– Его светлость маркиз цу Рогер выразил признательность за выявление возможной связи между убийством маркиза Альминца и неким сеньором де ла Вегой и сообщил, что с нетерпением ждет документального подтверждения сего факта, – сообщил граф Хирфельд и глянул на меня поверх бокала неожиданно пристально и остро, что несколько не вязалось ни с его расслабленной позой, ни с беззаботным видом. – Сказать начистоту, поначалу я отнесся к вашей затее с немалым скептицизмом и, чего уж скрывать, опасался обвинений... в подлоге. Так что же я упустил, магистр?

Я растянул губы в насквозь фальшивой улыбке, но врать и юлить не стал, привычно отделился полуправдой, упустив ненужные детали и подробности.

– Могу лишь предположить, что этот сеньор де ла Вега уже попадал в поле зрения Вселенской комиссии или же... смежных структур.

Секретарь имперского Кабинета бдительности барон аус Барген приложил немалые усилия, дабы арестовать убитого мной под Стожьеном чернокнижника, и уж точно его люди не могли позабыть о странном южанине, оставившем их в дураках. Наверняка розыскные листы на Сильвио де ла Вегу разослали не только по городам и весям, но и в канцелярию Вселенской комиссии.

Граф Хирфельд отпил бренди, кивнул и нейтральным тоном произнес:

– Такое предположение способно многое объяснить...

– Речь шла о двух новостях, – напомнил я.

– Ах да! – Магистр-управляющий поднялся из кресла, открыл один из ящиков секретера и кинул на стол не слишком-то и толстую пачку бумаг.

– Ваши дорожные. Прокурор соизволил закрыть дело, можете отправляться в путь хоть завтра. Все необходимые отметки уже проставлены, и я взял на себя смелость снабдить документами вашу... – тут граф не то чтобы запнулся, а, скорее, наметил заминку, – спутницу. Увы, они действуют лишь на территории королевства.

– Премного благодарен! Чудесные известия! Воистину чудесные! Хвала небесам! – неподдельно обрадовался я, быстро разложил на столе бумаги и с облегчением убедился, что дела обстоят именно так, как и уверил меня собеседник.

С высочайшего соизволения нам даровалось право беспрепятственного проезда по территории Грахцена и пересечения границы королевства в любом из пропускных пунктов по моему усмотрению.

Я собрал подорожные, кинул быстрый взгляд в окно и решил:

– Сегодня уже поздно, отправимся в дорогу с утра. – Но тут же опомнился и обратился к хозяину имения: – Магистр, даже не знаю, как вас благодарить за содействие! И за гостеприимство, разумеется, тоже!

– Право слово, никаких особых заслуг приписать себе не могу, – покачал головой граф. – Я так и не сумел добиться аудиенции у его величества, все произошло без моего участия...

В словах собеседника мне почудилась многозначительная недосказанность, и я насторожился.

– Неужто герхардианцы пошли на попятную по доброй воле?

Граф Хирфельд рассмеялся.

– Дорогой Филипп! В нашем славном городе ничего и никогда не происходит по доброй воле, если в деле замешаны интересы двух или более аристократов. Порой даже исполнение супружеского долга обставляется целым рядом условий, что уж говорить о ситуации, в которую удосужился вникнуть королевский прокурор! Либо он отчаялся вытянуть из добрых братьев достойную мзду и поступил им назло, либо те побоялись, что дальнейшее затягивание с ответом будет расценено как неуважение королевского правосудия и приведет к ущемлению кое-каких дарованных ордену вольностей.

– Либо они добились своего, – вздохнул я, – и нам придется пробиваться из города с боем.

– На этот случай я выделяю сопровождение, – объявил магистр-управляющий. – Вас проведут до самой границы.

– Даже не знаю, как вас отблагодарить!

– Пустое, магистр! Это мой долг...

Я поспешил откланяться и отправился в наши апартаменты, а там велел подручным собирать вещи и не засиживаться сегодня допоздна.

– Выдвигаемся завтра на рассвете!

– Вот и кончилась спокойная жизнь! – вздохнул Микаэль, взвесил в руке кувшин, а после перевернул его над кружкой, но из горлышка вытекла одна-единственная капля вина. – Досадно-досадно...

– Не забудьте ничего из обновок! – предупредил я, поскольку вещей у нас теперь изрядно прибавилось, и нацелил указательный палец на ведьму. – Надень мужское платье! Только нож на виду не держи, убери в мешок. Лишнее это.

После нескольких визитов портного Уве и Марта больше не выглядели двумя оборвышами, да и маэстро Салазар благодаря содействию рекомендованного графом мастера обновил гардероб и обзавелся парой сменных рубаш и прочей крайне необходимой в дороге мелочовкой. Оставалось лишь порадоваться тому обстоятельству, что нам выпала возможность собраться в дорогу без всякой спешки и аккуратно уложить вещи в мешки.

Я на всякий случай еще и пистолы зарядил – неожиданная покладистость приора герхардианцев наводила на воистину нехорошие раздумья.

– Ждешь неприятностей? – угадал мои мысли заглянувший в комнату Микаэль.

– Ты будто не ждешь? – фыркнул я. – Люди графа, конечно, сопровождают нас до границы, но мало ли что может случиться в дороге?

Маэстро Салазар кивнул.

– Никто не скажет наперед, что путника в дороге ждет: дрянное пиво в кабаке или острый нож в чужой руке!

С этой рифмованной сентенцией Микаэль оставил меня, а стоило только Марте закончить сборы, я опустил заслонку ночника, поудобней устроил голову на подушке и закрыл глаза.

Завтра! Завтра мы отправимся в путь, и едва ли в дороге все пройдет так уж легко. Нам точно попытаются помешать. Было бы странно, если б не попробовали...

Завтра наступило куда раньше, нежели того стоило ожидать. Я проснулся посреди ночи и замер на кровати, пытаясь осознать, что именно стало причиной неожиданного пробуждения, поскольку дело было точно не в желании справить малую нужду или напиться. Повернув голову, я увидел, что Марта тоже не спит и вслушивается в скрипы и шорохи ночного особняка, но в сонме ткавших единое полотно звуков не проскальзывало ни одной фальшивой ноты.

– Что-то не так? – шепнул я ведьме.

Марта враз расслабилась и опустила голову на подушку.

– Показалось, наверное, – неуверенно произнесла она. – Бывает.

– Спи! – зевнул я, переворачиваясь на бок. – Нам с первыми петухами вставать.

И тут же на первом этаже послышались встревоженные крики и топот ног, следом рокотнул близкий взрыв, кровать качнуло, что-то с грохотом рухнуло, с потолка посыпались струйки пыли. Миг ничего не происходило, а затем со стороны флигеля донеслась целая череда раскатистых хлопков.

Ангелы небесные, да это из мушкетов палят!

Откинув одеяло, я поднял заслонку ночника и в неровных всполохах бившегося внутри фонаря огонька нашарил убранные на стул пистолы. Но сразу опомнился, натянул сапоги и подпоясался оружейным ремнем. И плевать, что в одном исподнем, – и так слишком много времени на сборы потратил. Снизу уже доносился звон клинков, да еще громыхали редкие выстрелы и рвали незримую стихию отголоски боевых чар.

– Вперед не лезь! – предупредил я рывшуюся в поисках ножа Марту и шагнул из спальни с пистолы в руках. Сразу углядел неуверенно пробирающуюся к лестнице тень и шикнул: – Уве, стоять! Стоять, кому сказано!

Школяр послушно замер на месте и взмахом магического жезла сотворил неяркий огонек-светлячок. Тот рассеял мрак, и вывалившийся из своей комнаты Микаэль предстал перед нами во всей красе: взъерошенный и растрепанный, с налитыми кровью глазами. Спать он завалился в одежде, только стянул сапоги, которые спросонья не удосужился надеть.

– За мной! – прохрипел маэстро Салазар, и я остановил его, перегородив проход к лестнице одним из пистолей, словно шлагбаумом.

– После меня. Там маги! Уве, тоже вперед не суйся, голову оторву!

Я первым выскользнул в дверь и сразу присел, укрываясь за балюстрадой лестницы. В просторном холле шла бойня, нападавшие в черной одежде и масках наседали на отчаянно отбивавшихся обитателей усадьбы, а те сгрудились в коридоре, не позволяя врагу ни окружить себя, ни прорваться во внутренние помещения особняка. Дела у домочадцев графа Хирфельда обстояли не лучшим образом: на полу лежало с полдюжины тел, и лишь один из покойников принадлежал к ночным налетчикам, остальные были в исподнем.

Магистр-управляющий широкими замахами сияющего жезла ткал сложное плетение колдовской защиты, а слуги прикрывали его, не давая подступиться убийцам. Племянника графа нигде видно не было, и тому приходилось в одиночку противостоять двум колдунам, которые совместными усилиями разносили его магический щит. Да еще у вынесенной взрывом двери спешно перезаряжали мушкеты трое стрелков.

Я усилием воли загнал сознание во взбудораженную незримую стихию и в деталях оценил усилия колдунов преодолеть выставленную хозяином особняка защиту. Один пробовал ее на прочность примитивными выбросами едва ли не чистого эфира, а его более искусный коллега подошел к делу с воистину научной скрупулезностью: сразу несколько сложнееших схем вращались вокруг магического купола зубчатыми звездами, вычисляя слабинку. Граф беспрестанно залатывал дыры, и пока что молнии гасли, не причиняя вреда людям.

В этот момент дверь кухни распахнулась и тотчас захлопнулась, но за этот краткий миг засевшие там защитники особняка успели разрядить в нападавших сразу два арбалета. Один из убийц волчком закрутился на месте и рухнул на пол, другой болт завяз в сплетенном из эфира щите, прикрывавшем ритуалистов.

– Разобраться с магами? – шепнул на ухо присевший рядом Микаэль.

Увы, те стояли поодаль от лестницы, так просто до них было не добраться.

– Нет, Мик, лучше помоги людям графа! – приказал я и оглянулся. – Марта, на тебе мушкетеры. Уве, прикрой!

Маэстро Салазар беззвучно выругался и начал спускаться по лестнице, не забывая пригibasь, дабы раньше времени не попасться на глаза убийцам и сполна воспользоваться эффектом неожиданности. Я же приподнялся, устроил ствол на перилах и взял на прицел колдуна, показавшегося более опытным. Крутанулось стальное колесо, вспыхнул затравочный заряд, и после мимолетной заминки хлопнуло! Через клубы дыма я сумел разглядеть, как заваливается получивший пулю в спину заклинатель, бросил разряженное оружие под ноги и вооружился вторым пистолем.

Грохнул новый выстрел, да только за считанные мгновения второй колдун успел не просто развернуть щит в нужную сторону, но и до предела накачать его эфиром. Свинцовый шарик попросту разлетелся расплавленными каплями, заставив вспыхнуть и выцвести в месте попадания эфирные нити, но прореха оказалась не столь уж и велика.

Святые небеса! Ну что за напасть!

И сразу Марта дернула меня за ворот, заставляя присесть.

– Пригнись!

У входной двери полыхнула вспышка, грохнуло, и перила рядом с моей головой прыснули щепой, приняв на себя тяжелую мушкетную пулю.

– Уве, жги! – рыкнул я, и школяр заученным за последние дни движением швырнул вниз сияющий шар.

Колдун не стал гасить атакующее заклинание, он изменил наклон щита, и сгусток раскаленного до немыслимых температур эфира соскользнул по нему, ударил в пол и взорвался, расплескав кругом оранжевое пламя. Вражеский ритуалист не пострадал, зато огонь вкупе с витавшими в воздухе клубами порохового дыма ослепил мушкетеров и помешал им взять точный прицел. Посланные в нас пули прошли выше и засели в обшитой деревянными панелями стене.

Маэстро Салазар тем временем стремительным выпадом всадил острие шпаги меж лопаток застигнутого врасплох громилы в черной полумаске. Тот замертво рухнул на пол, и парочке его приятелей пришлось отвлечься от слуг графа и накинуться на нового противника. Микаэль отступил и принял мощный замах ближайшего убийцы на скрещенные клинки. Зацепил чужое оружие гардой шпаги, полушагом сократил дистанцию и пырнул нападавшего высвобожденной дагой в пах, чуть ниже края кольчуги. Подранок согнулся в три погибели, а когда второй боец шагнул в обход товарища, маэстро тут же провел укол в опрометчиво открытую ногу. Охромевший убийца спешно отступил, и Микаэль добил свою первую жертву небрежным тычком в шею.

Но мне было уже не до него. Уцелевший колдун сплел из обрывков эфирного щита многолучевую звезду, взмахом жезла придал ей вращение и отправил прямиком в меня. Я сиганул через перила и перекатом ушел в сторону, точеные балясины за спиной взорвались тучей деревянных обломков, засыпавших все кругом.

– Уве! – проорал я во всю глотку, вскакивая с пола, и школяр спешно прикрыл меня магическим пологом.

Вовремя! Вражеский ритуалист взмахом жезла погасил танцевавшее у ног пламя, и волшебная палочка в его руке обернулась длиннющей огненной плетью. Сияющий жгут с гулом

промелькнул перед лицом и не снес половину черепа лишь из-за выставленного школяром щита. Защитное плетение Уве оказалось прорвано и полыхнуло незримым пламенем, кожу опалил вполне реальный жар, но все же плоть бессильно соскользнула с эфирной основы, и колдун отдернул ее для нового удара.

Я ринулся на ритуалиста с занесенной шпагой, но того буквально смело в сторону безыскусным выбросом силы. Человека бросило на стену с такой свирепостью, что удар о доски разmozжил череп, во все стороны расплескались кровь и мозги. Это граф Хирфельд перенаправил закачанную в магический щит силу в убийственный таран, которым и приложил потерявшего осторожность мага.

Один из обосновавшихся у взорванной двери стрелков сноровисто вбил в дуло пулю, откинул шомпол, но, прежде чем упер в плечо приклад, его горло рассек невидимый клинок; из широкой раны ударила тугая алая струя. Боец закашлялся и вскинул руки в тщетной попытке остановить кровотечение, ничуть в этом не преуспел и сначала упал на колени, а после и вовсе уткнулся лицом в пол.

Смазанной тенью Марта метнулась ко второму мушкетеру, а я атаковал последнего из стрелков. Перезарядить оружие тот не успел и попытался нанизать меня на штык, но выпад вышел слишком уж очевидным. В развороте я легко ушел от направленного в грудь острия и рубанул шпагой, метя в голову противника. Немного промахнулся и лишь срезал часть скальпа да начисто снес ухо, пришлось левой рукой перехватить ствол, отвести его в сторону и приложить налетчика гардой по лицу. Голова стрелка мотнулась, и следом мой клинок прошелся по запрокинутой шее; не слишком-то и острое лезвие шпаги рассекло кожу и с неприятным хрустом вонзилось в гортань. Готов!

А вот у Марты дела не заладились. Если поначалу хлестким ударом ножа по запястью ей удалось обезоружить последнего из троицы мушкетеров, то дальше он каким-то чудом сумел разглядеть укрытую мороком ведьму, сбил ее с ног ударом кулака и навалился сверху. Девчонка несколько раз ткнула бойца ножом в бок – и все без толку: того спасла кольчуга. А дальше ловкач и вовсе вывернул худое запястье, заставив ведьму выронить клинок.

Как назло, мой собственный противник никак не желал подыхать, бился в агонии, плескал кровью из рассеченной глотки и судорожно цеплялся за ночную сорочку. Пришлось потратить драгоценные мгновения, избавляясь от его мертвой хватки, а только я шагнул на помощь ведьме, как Марта вскинула левую руку, растопырила пальцы и выдохнула короткое проклятие. И без того взбудораженную незримую стихию сотрясла очередная судорога, и лицо убийцы словно прижали к боковине мельничного жернова: брызнула кровь, полетели ошметки кожи и плоти.

Бедолага взвыл и закрылся ладонями, соткавшаяся из воздуха эфирная петля захватила его шею и вздернула под потолок, да так, что хрустнул позвоночник. На этом силы вмешавшегося в схватку Уве иссякли, и Марта едва успела откатиться в сторону, прежде чем на пол рухнуло безжизненное тело.

Я обернулся и увидел, что защитники особняка при поддержке Микаэля уже расправились с нападавшими. Без потерь с нашей стороны при этом не обошлось: один из людей графа получил колотую рану в живот, другому разрубили грудину, и сейчас он отходил в лучший из миров, сипя и харкая кровью.

– Все за мной! – крикнул магистр-управляющий и первым выбежал за дверь; ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Разве что я задержался и сунул шпагу в ножны, а с пола подхватил трофейный мушкет, которым не успел воспользоваться зарезанный Мартой стрелок.

К слову, о Марте...

– Займись ранеными! – крикнул я девчонке. – Уве, прикрой ее!

Удивительное дело, но возражений не последовало, и я с легким сердцем ринулся вдогонку за остальными. От флигеля слуг так и доносились редкие хлопки выстрелов, а еще там все сильнее разгоралось пламя. Как оказалось, нападавшие подперли двери и запалили дом, встречая в штывы всех, кто пытался спастись, выпрыгивая в окна.

Сгустившуюся меж деревьев и кустов ночную темень едва-едва разрывали нервные всполохи пламени, и мы обрушились на убийц как снег на голову. Граф Хирфельд на бегу яростно крутанул жезлом и с ходу метнул шаровую молнию в группу мушкетеров. Сверкнула ослепительная вспышка, стрелков раскидало по сторонам, и защитники имения накинудись на них, не оставив ни малейших шансов на спасение.

После взрыва все кругом запорошила светящаяся пыль, стало светло как днем, и уцелевшие убийцы принялись спасаться бегством, даже не помышляя о сопротивлении. Граф умудрился напоследок разметать одного из налетчиков атакующим плетением и бессильно сторбился; яростная схватка выпила из него все силы без остатка.

Я в драку не полез и велел не отходить от себя Микаэлю, лишь пальнул по мелькнувшей среди деревьев черной фигуре, но едва ли попал.

Преследовать беглецов не стали, хватало и более насущных забот. Граф распорядился выставить караулы, а остальных людей погнал тушить пожар и оказывать помощь раненым. Сам же вернулся в особняк и первым делом проверил супругу с детьми, затем облачился в принесенный дворецким халат и принялся срывать маски с лиц убитых врагов.

– Гиверсы! – с ненавистью прорычал он некоторое время спустя. – Порченное семя! Всех со свету живу!

Как оказалось, за ночным нападением стояли давние соперники рода Хирфельд. Никто не ожидал от тех подобной смелости, если не сказать безрассудства, поскольку все последнее столкновение заканчивались не в их пользу, что и подкосило могущество этого некогда почтенного семейства. И вот же – наняли наемных бретеров и пару ритуалистов не из последних, вскрыли магическую защиту имения и едва не перебили его обитателей.

– Приношу глубочайшие извинения за столь печальный инцидент, – сказал магистру управляющий лишенным всяческих эмоций голосом некоторое время спустя. – Знайте: и я, и весь мой род перед вами в неоплатном долгу. Без вашей помощи мы бы не выстояли.

Я лишь рукой махнул.

– Увы, магистр, – продолжил граф Хирфельд, – теперь просто некого выделить вам в сопровождение. Столько людей погибло, столько верных и незаменимых людей...

– Мои соболезнования, – приложил я руку к сердцу. – Мы не будем путаться под ногами, отправимся в дорогу немедленно.

Хозяин имения рассеянно кивнул; все его мысли были заняты планами грядущей мести. А вот Микаэль уставился на меня с нескрываемым удивлением.

– Думаешь, дело нечисто? – спросил он, когда мы остались наедине.

– Не верю я в такие совпадения. Без людей графа мы станем легкой добычей для любого более-менее сильного отряда наемников. Надо убраться отсюда под прикрытием ночи, такого финта от нас точно никто не ждет.

Маэстро Салазар покачал головой.

– Или от нас и ждут именно этого.

– Или так, – на стал спорить я. – Не проверим – не узнаем.

Часть вторая

Весланд

Глава 1

1

Непогода настигла на рассвете. К этому времени мы уже покинули окраины Лёнинцгена и скакали на запад, напрямик к границе с империей. Дорога петляла меж холмов и пригорков, приходилось то и дело обгонять медлительные торговые обозы, хватало и встречных верениц груженных товарами телег. Изредка попадались забрызганные грязью кареты, неизменно их сопровождали отряды верховых. Раз мы проехали почтовую станцию, да еще повстречался постоянный двор, а в целом места тянулись не слишком обжитые.

Низкие тучи пришли со стороны гор, закрыли небо, расползлись над головами непроглядной пеленой. Задул порывистый ветер, посыпалась мелкая морось, утро сделалось мрачным, а уж когда зарядил не по-весеннему холодный дождь, мир и вовсе затопил густой полумрак. Настроение и без того оставляло желать лучшего, а непогода испортила его окончательно. К тому же совсем уж неведимыми из ночной схватки выйти моим спутникам не удалось, и если неглубокий порез на плече Микаэля давно подсох и не кровоточил, а набухший под глазом Марты синяк больше не мешал ведьме размыкать век, то лающий кашель Уве наводил на весьма нехорошие мысли. Мне он категорически не нравился, как не нравилась и вновь появившаяся в мокроте школяра кровь.

– Больше никакой магии! – в который уже раз наказал я школяру.

Уве скакал, сгорбившись в седле; под накинутым на голову капюшоном белело осунувшееся лицо.

– А тренировки? – спросил он, выпрямился и вновь закашлялся.

– Только левой рукой! – объявил я. – Все понял?

Слуга кивнул, и я прекратил читать ему нотации, обернулся и окинул взглядом дорогу, но окружающий мир растворился в серой пелене дождя. Тот размеренно сыпался с неба и понемногу пропитывал ткань плаща, одежда быстро становилась холодной, мокрой и липкой. А еще – не слишком чистой. Копыта лошадей размеренно месили бурую жижу и расплескивали воду из глубоких луж, да и колеса встречных телег то и дело окатывали нас россыпями брызг.

Вина в дорогу мы взять не удосужились, и у маэстро Салазара от раздражения едва дым из ушей не валил. Скрывать дурное настроение было не в привычках Микаэля, а в этот раз он и вовсе превзошел себя самого, целиком и полностью сосредоточившись на доведении до белого каления Марты.

– Дура! Бестолочь! Тупица! – безостановочно сыпал он оскорблениями, и если поначалу девчонка еще пыталась оправдаться, то очень скоро прикусила язык и реагировала на реплики бретера с поразительным для ее взрывного характера стоицизмом.

Впрочем, ничего иного ведьме попросту не оставалось: костерил Микаэль девчонку за дело: не распрощалась она этой ночью с жизнью лишь чудом. Маэстро Салазара буквально трясло от возмущения. Ну еще бы! Он столько времени провозился с ведьмой, а та позабыла обо всем на свете и позволила сбить себя с ног какому-то мушкетеру!

Я злился на Марту ничуть не меньше бретера, но в педагогическую риторику Микаэля не вмешивался. Впрочем, этого и не требовалось, он вполне справлялся за двоих.

– Такого бездарного исполнения невидимости мне встречать еще не доводилось! – выдал Микаэль и обернулся, сверля Марту бешеным взглядом черных глаз.

Ведьма потянулась укрыть синяк под капюшоном плаща, но сразу опустила руку и опрометчиво огрызнулась:

– Это был морок. И ты ничего не видел!

– Зато теперь результат налицо! – ткнул маэстро Салазар пальцем в девчонку. – И не важно, видел я твои потуги стать невидимой или нет, главное, что тот бугай разглядел тебя. Ясно это?

Реплика Микаэля прозвучала без былой язвительности, и Марту обуяла надежда, что экзекуция подходит к концу, но не тут-то было.

– Неужели удержать морок – такое сложное дело? – задал бретер риторический вопрос и, не дав вставить девчонке ни слова, продолжил: – Вот пойдешь купаться голышом, а следом Уве заявится, и что – груди ладошкой прикрывать станешь, как клуша деревенская? – Он поднял очи горе и протянул: – Хотя какие груди? Чего там прикрывать?! Но даже твой тощий зад ладошкой не загородить! В мороке спрятаться не сможешь, так и будешь как курица с отрубленной головой метаться! Точно! Курица безмозглая, вот ты кто!

Уве от столь неожиданного упоминания даже рот разинул, Марта же явственно покраснела, но точно не из-за смущения, а от злости. Даже не знаю, что ее взбесило больше: столь пренебрежительный отзыв о фигуре или сравнение с курицей. Ведьма уже приготовилась дать едкую отповедь, но в последний момент благоразумно прикусила язык. Микаэль посмотрел на нее с некоторым разочарованием, что-то неразборчиво пробурчал себе под нос и принялся расправлять усы; без толку – те промокли и обвисли.

Впереди потянулась длинная вереница телег, пришлось выехать на обочину и заставить усталых лошадей перейти с шага на рысь. А только обоз остался позади, и я едва не стоптал человека, неожиданно вынырнувшего из серой пелены дождя. По краю дороги шествовала целая процессия босых и обнаженных по пояс путников, которые истово охаживали свои спины веревками с навязанными на них узлами; пришлось взять левее.

– Кто это? – удивленно шепнула поравнявшаяся со мной Марта.

– Флагелленты, – пояснил я, заметил в льдисто-серых глазах девчонки непонимание и пояснил: – Паломники, истязующие себя ради искупления грехов.

– Каких грехов?

– Не слышала о несовершенстве человеческой природы? – фыркнул маэстро Салазар. – Каждый из нас грешен с самого своего рождения. Эти фанатики считают телесную боль достаточной для исправления сего прискорбного обстоятельства. Глупцы! Впрочем, мы отвлеклись. Вернемся к нашим баранам. Точнее, к овце. Или ослице?

На этот раз удержаться от горестного вздоха Марте не удалось, но, на ее счастье, на обочине дороги показался навес. Стены неказистого строения сложили из необработанного камня, венчала его соломенная крыша. В очаге горел огонь, и над землей, почти сразу растворяясь в стене дождя, плыл ароматный дымок. Еще там стояло два стола, а в углу громоздилась небольшая пирамида бочонков.

Микаэль осекся на полуслове, шумно сглотнул и с надеждой обернулся ко мне.

– Остановимся, Филипп? Лошадям нужен отдых!

– Конечно-конечно, – улыбнулся я. – Лошадям!

– Так что?

Ехать под дождем опостылело до крайности, я проявил малодушие и махнул рукой.

– Остановимся! На полчаса, не дольше.

Маэстро Салазар тут же приободрился и направил лошадь к навесу, мы поскакали следом.

– Тело – подарок небес, – произнесла вдруг Марта. – Сознательно уродовать его – грех, разве нет?

Я поначалу не понял, чем вызвана эта реплика, потом сообразил и кивнул.

– Именно так.

Но все мои мысли уже занимал подвешенный над очагом котел.

Глинтвейн? Неужели глинтвейн?! Душу отдам за кружку подогретого со специями вина! Отдам, да. Она и гроша ломаного не стоит, заложена-перезаложена...

Но нет, дородный дядька в непонятной хламиде размешивал деревянным черпаком вовсе не вино, а разогретое с медом монастырское пиво, темное, едва ли не черное, ароматное и тягучее, будто смола. Микаэль поначалу недовольно покрутил носом, но все же пригубил из ковша и расплылся в счастливой улыбке.

– Забористая штука!

– Не без этого, – подтвердил монах и на зубодробительном североимперском подсказал: – Если задержитесь, лошадей за стену под навес заводите, нечего божьим тварям под дождем мокнуть.

Мы так и поступили, после заняли один из столов, и перед нами тут же очутились четыре здоровенные деревянные кружки, две свежайших буханки, головка сыра и колечко сыровяленной колбасы. Микаэль мигом опорожнил свою кружку и велел таскавшему снедь послушнику наполнить ее вновь, да я и сам отхлебнул пива с превеликим удовольствием. Разогретое с медом, оно прогоняло холод ничуть не хуже глинтвейна. Марта делала мелкие-мелкие глотки без видимого удовольствия, а вот Уве почти не отставал от маэстро Салазара, и очень скоро его кашель стих, бледность отступила и в лицо вернулись краски.

Когда мимо потянулся торговый обоз, послушники принялись бегать вдоль обочины, разливая горячее пиво и собирая плату. Под навес никто из купцов не зашел, телеги проследовали дальше без остановок, а процессия флагеллантов, к моему превеликому удивлению, свернула с дороги на едва заметную тропку и затерялась среди кустов с только-только начавшими набухать почками.

– Куда это они? – полюбопытствовал я.

Монах отвлекся от очередного бочонка с пивом и подсказал:

– Паломники идут к святому месту. В пещерах под нашим монастырем жил праведник, звали его Джокем. Святой Джокем из Райле.

Дядька выжидающе уставился на меня, но я слышал это имя впервые, поэтому молча приложился к вновь наполненной кружке. Монах принялся доливать в котел пиво, а маэстро Салазар негромко произнес:

В покаянном экстазе умертвляя плоть,
К небесным чертогам паломник бредет,

Ребра давят вериги, ноги босы... – Микаэль задумался, а затем вместо ожидаемого мной ернического окончания стиха вроде: «Он душу продаст за кусок колбасы», – неожиданно жестко выдал:

Когда сдохнет в канаве, на тело,
Не позарятся даже бездомные псы!

– Злой ты, – усмехнулся я.

– С чего взял? – удивился маэстро Салазар. – Если не смогу больше держать шпагу, то дам обет не вкушать пищи, лишь пить вино, и стану бродить от селения к селению на потеху

честному народу. – Он запустил пальцы за обшлаг камзола и кинул на стол какую-то резную косточку. – Что это, Марта? Как думаешь?

Девчонка провела над странной вещицей рукой и неуверенно произнесла:

– Я чувствую наговор...

– Это ведьмин амулет против морока. Снял его с покойника, который разукрасил тебе личико.

– Ты-ы-ы! – разъяренной кошкой прошипела Марта. – Я все сделала правильно, а ты изводил меня из-за этого драного амулета!

Девчонка начала приподниматься из-за стола, но тут же плюхнулась обратно на лавку, получив раскрытой ладонью по лбу. Движение Микаэля было столь стремительным, что никак среагировать на него она попросту не успела.

– Не важно, сколь искусен твой морок, если человек защищен оберегом или святой реликвией! – негромко произнес маэстро Салазар, подавшись вперед. – Запомни это, и запомни накрепко! Вчера ты допустила ошибку, не проверив наличие магической защиты, в следующий раз тебе раскроют твою пустую голову, и это если очень повезет. Есть куда более неприятные варианты распрощаться с бранным существованием. Хуже того – ты подведешь других. Из-за твоей ошибки вчера надорвался Уве!

Марта шумно сглотнула, кивнула и промолчала.

Я сжал оберег в пальцах, переломил косточку и без сожаления выкинул ее в траву, поскольку такого рода ведьмины поделки могли втравить владельца в самые серьезные неприятности. А стоило только подняться из-за стола, как Уве страдальчески вздохнул и поспешно приложился к кружке с пивом.

– Не торопись, – остановил я слугу, подошел к очагу и спросил у монаха: – Пещера святого отсюда далеко?

– Полчаса туда, обратно быстрее, – поведал дядька. – Но лошадь не пройдет, придется идти в горку пешком. Проводник не нужен, просто с тропки никуда не сворачивайте.

Я вернулся к столу, и Микаэль посильнее опустил шляпу на лицо.

– Хочешь шлаться по пещерам, твое право, – презрительно фыркнул он. – Подожду здесь.

Ничего иного я от бретера и не ожидал, выжидающе посмотрел на Марту, но составить мне компанию отказалась и она.

– Не по такой погоде, Филипп, – зябко поежилась девчонка.

– Тебе ведь холод не страшен? – не удержался я от шпильки, припомнив заявление ведьмы о нечувствительности к стуже.

– Ненавижу сырость, – резонно парировала Марта и поплотнее закуталась в плащ.

Тогда из-за стола поднялся Уве.

– Я с вами, магистр!

Отговаривать школяра я не стал. Ему это будет полезно.

2

Монах не соврал, Джокем оказался истинным святым, и пещера, где он некогда обитал и принял мученическую смерть, так и лучилась мягким сиянием небесного эфира. Я простоял там какое-то время, медитируя и наслаждаясь ласковыми касаниями незримой стихии, после выбрался под скальный козырек, а Уве так и остался внутри. Покинул школяр подземелье только через четверть часа и вид имел при этом донельзя удивленный.

– Просто невероятно! – поспешил он ко мне. – Магистр! Это удивительное место!

Свежий ветерок давно выдул хмель из головы, и я потребовал:

– Капюшон надень, а то простудишься!

Уже выполнил распоряжение и поспешил за мной к петлявшей по каменистому склону тропке.

– У меня даже в груди потеплело! – продолжил он делиться своими впечатлениями от посещения святого места. – Ничего не болит! Я словно заново родился!

– Вот и замечательно, – улыбнулся я. – Запомни эти ощущения и стремись достичь их при следующей медитации.

– Но я не святой!

– Я не прошу тебя делиться святостью с другими. Просто... постарайся упорядочить эфирное тело и сделать его более однородным. Попробуй слиться с незримой стихией в единое целое.

– Легко сказать!

– В церкви будет проще, – посоветовал я и двинулся в обратный путь.

Когда мы вернулись к выстроенному на обочине дороги навесу, я сразу обратил внимание на слишком уж напряженную позу маэстро Салазара. С кружкой в руке он отошел от стола и стоял, прислонясь к вкопанному в землю бревну.

– Поцапались? – предположил я.

– Нет, все хорошо, – уверил меня Микаэль, вернулся к столу и едва слышно прошептал: – Надо убираться отсюда!

Я весь так и подобрался и кинул быстрый взгляд на монаха, но маэстро лишь едва заметно покачал головой.

– Всадники, – негромко произнес он. – Дюжины полторы. Промчались по дороге, еще и четверти часа не прошло. Не прошло, не прошло.

У меня засосало под ложечкой, и я поспешно уточнил:

– Думаешь, это за нами?

Микаэль неопределенно пожал плечами, хлебнул пива и не слишком уверенно произнес:

– Мне показалось, там был тот дворянчик. Южанин.

– Сильвио де ла Вега?

– Мне так показалось, – повторил маэстро Салазар.

– Хвала небесам! – выдохнул я, крутанул четки и поцеловал золотую звезду. – Надоумили святое место посетить!

Микаэль криво усмехнулся.

– Повезло-повезло.

Я ничего говорить подвыпившему бретеру о высшем провидении не стал, просто не видел смысла впустую сотрясать воздух, тем более что нам и в самом деле несказанно повезло. Лошадей мы завели за стену, и на виду сидела не четверка путников, а парочка непонятных бродяг. Вот Сильвио и не обратил на них внимания. Если начистоту, я нисколько не сомневался, что Микаэль все разглядел верно. Чего-то подобного и стоило ожидать. Нас спасла лишь немалая форя: черно-красные попросту не ожидали столь скорого отъезда из Лёнинцгена.

Маэстро Салазар в несколько глотков влил в себя остававшееся в кружке пиво, обтер ладонью усы и пробормотал:

Ангелы небесные... шулеры искусные,
Картами краплеными смертных жизни меряны,
Встречами случайными люди перемешаны,
Тайными мотивами судьбы сплетены!

Я не удержался от кривой ухмылки и, возможно, слишком уж резко заметил:

– Сегодня тебя так и тянет пофилософствовать! Утомил, право слово!

Микаэль набычился, но я не стал выслушивать его отповедь и, на ходу отвязывая с пояса кошель, отошел к возившемуся с котлом монаху. Вложил в мозолистую ладонь с заскорузлыми пальцами пару серебряных фердингов и спросил:

– Дальше будут селения?

Дядька кивнул.

– Райле. Съезд по правую руку. Указатель не пропустите.

Я поблагодарил монаха и скомандовал:

– Собирайтесь! Переждем непогоду в Райле.

Уве и Марта уставились на меня с нескрываемым удивлением, но им хватило ума промолчать, так что мы подтянули седельные ремни, вывели отдохнувших коней на обочину и отправились в путь. А стоило только навесу скрыться из виду за поворотом, я спрыгнул в грязь и повел лошадь в придорожные кусты.

– Что происходит, магистр? – всполошился Уве, которого никто не удосужился просветить о свалившихся на нашу голову неприятностях. – Что вы делаете?

– Заметаю следы, – ответил я. – Пошевеливайтесь!

Лес был не слишком густым, так что не составило особого труда провести по нему коней, пусть и пришлось удалиться от дороги, дабы монах не заметил среди деревьев нашу пробирающуюся в обратном направлении компанию. Некоторое время спустя маэстро Салазар отправился на разведку, а я в двух словах поведал слуге о новых проблемах. Уве явственно посмурнел, но сразу взял себя в руки и от горестных замечаний воздержался. А там и Микаэль вернулся. Он вывел нас из леса и спросил:

– Филипп, много у нас времени в запасе, как думаешь?

Я только плечами пожал. Гадать на кофейной гуще не имело никакого смысла.

– Ходу! – скомандовал я, и лошади потрусили по мутным лужам и бурой жиже, именовавшейся в местных краях трактом.

3

В Лёнинцген мы возвращаться не стали и через пару часов повернули на юг в надежде, что уходящая в поля дорога рано или поздно выведет к обитаемым местам. В столице королевства нас ничего хорошего не ждало, к тому же люди де ла Веги вполне могли разгадать незамысловатый маневр, нагнать и порубить на куски. Посему нашей новой целью стал перевал через Тарские горы на юге королевства. Пусть крюк намечался изрядный, зато и риска повстречаться с преследователями этот вариант сулил куда меньше остальных альтернатив.

И в самом деле – до гор добрались без всяких приключений. Да и перевал оказался не слишком крутым, он не стал серьезным испытанием для наших лошадей, а таможенные чиновники что с той, что с этой стороны крайне снисходительно отнеслись к сомнительным документам девчонки, прибившейся к свите магистра Вселенской комиссии по этике, стоило лишь одарить их небольшой мздой. Укрываться мороком я Марте строго-настрого запретил, поскольку на пропускных пунктах неизменно дежурили колдуны.

На ночевку в кои-то веки остановились на нормальном постоялом дворе. Тот был выстроен на окраине Нейвхельфа, как именовался небольшой городок, через который проходила спускавшаяся с перевала дорога. Заодно удалось разузнать последние новости, благо горожане только и говорили, что о недавней кончине прежнего сеньора здешних земель – старого графа Бейнреха. Сам отошедший в мир иной курфюрст никого из бюргеров не заботил, волновала их исключительно вызванная его смертью междоусобица, притязания на власть епископа Вима и уменьшившийся в силу общей неустроенности поток торговцев.

Картинка складывалась совершенно безрадостная, и на следующий день мы воочию убедились в том, что горожане красок нисколько не сгущали, а во многом даже не отдавали себе отчета, сколь плачевно обстоят дела в провинции. Многие селения на стыке владений графских сыновей, которые сошлись в схватке за верховенство в роду, были разорены и сожжены; крови на тех землях пролилось изрядно. Раздетых до исподнего покойников никто не хоронил, их и в канавы стаскивали далеко не всегда, и у меня неприятно свербело меж лопаток от одной лишь мысли, сколько проклятых мест появится на этих землях и что за жуткие твари заведутся там, вскормленные людскими страданиями и мертвой плотью. Иной раз за пределами очень близко, сможешь дотянуться – только руку протяни.

В Мархоф мы въехали ближе к полудню, и уж там я останавливаться на окраине не стал и повел своих спутников напрямик на университетский холм. Теоретически мы еще успевали засветло добраться до Кларна, но после не самого простого путешествия хотелось устроить себе небольшую передышку. К тому же в город меня привели незавершенные дела, и заранее было не предсказать, сколько именно времени займет улаживание всех необходимых формальностей.

Первым делом я завернул в уже знакомую пивную и не прогадал: комнаты на втором этаже, в которых прежде останавливались живоглоты, пустовали, а на конюшне отыскивались свободные стойла для лошадей. После обеда Уве отпросился провести однокашников. Маэстро Салазар, выяснив, что вина в заведении не держат, ушел вслед за школяром, а Марта попросила взять ее с собой. Я подумал-подумал и отказывать ведьме не стал, благо в мужском платье она выглядела точь-в-точь как худосочный юнец.

По деревянному мостку мы перешли с крыльца пивной на мощенную брусчаткой мостовую и двинулись к вершине холма. На улицах было многолюдно, а на площади перед главным зданием университета оказалось и вовсе не протолкнуться от школяров, которые, по своему обыкновению, в перерывах между лекциями дурачились, распевали похабные частушки, на ходу жевали сухари и булки, читали конспекты и спорили до хрипоты и сорванных связок. Кто-то играл в карты, кто-то звенел серебром, спуская монеты в орлянку. Где-то дрались.

Ошеломленная всеобщей суетой Марта судорожно вцепилась в мою руку. Охватившее девушку замешательство не осталось незамеченным, и в нашу сторону обратились заинтересованные взгляды, но взглядами все и ограничилось; отпускать остроты никто не решился. Одних смутила шпага на моем боку, другие отворачивались, увидев заткнутый за оружейный ремень магический жезл, и даже самые отпетые смутьяны и вольнодумцы забывали о сальных шуточках при виде служебного перстня. Едва ли они всерьез опасались навлечь на себя неприятности, скорее, полагали неуместным смущать бедолагу, которого угораздило привлечь к себе внимание магистра Вселенской комиссии по этике. Обычно ничего хорошего школярам столь тесное знакомство с моими коллегами не сулило.

В воротах я кивком поприветствовал педеля и под удивленно-настороженными взглядами школяров провел Марту через внутренний двор.

– И все они здесь учатся? – шепнула мне на ухо ведьма, которой для этого даже не пришлось привставать на цыпочки.

– Да, но не все – на факультете тайных искусств, – ответил я и распахнул входную дверь, пропуская девчонку внутрь. Та шагнула через порог и при виде неоштукатуренного куска стены замерла с открытым от изумления ртом.

– Идем! – потянул я Марту к лестнице.

Девчонка неохотно последовала за мной, нагнала и сказала:

– Тут случилось что-то нехорошее. Не сейчас – давно.

В плане эмпатии и чувствительности ко всяческой чертовщине природные ведьмы могли дать сто очков вперед не только ритуалистам, но даже истинным магам, поэтому я лишь кив-

нул, принимая услышанное к сведению, поднялся на второй этаж и распахнул дверь приемной канцлера.

Секретарь дернулся от скрипа петель и недоуменно нахмурился, но сразу узнал меня и вскочил из-за стола.

– Магистр Черен? – В его голосе прозвучала нескрываемая тревога.

«Вон Черен», – мог бы поправить я, но делать этого не стал и потребовал:

– Доложите обо мне его сиятельству.

Секретарь неуверенно замялся.

– Не знаю, примут ли вас...

– И не узнаете, пока не доложите!

Я указал на дверь, и собеседнику волей-неволей пришлось заглянуть к канцлеру. Он тут же вернулся и придержал дверь открытой.

– Проходите!

– Жди здесь! – указал я Марте на стул у стены, а секретаря попросил послать кого-нибудь за магистром Риперторпом. После прошел в кабинет и был неприятно поражен тем, сколь сильно сдал глава университета с момента нашей последней встречи. Он заметно усох, кожа пожелтела, на лице прибавилось морщин. Да и сидел старик не за столом, а в кресле у разожженного камина. При этом еще и кутался в теплый плед, хоть натоплено в кабинете было до чрезвычайности. А вот голос несколько не изменился.

– Магистр вон Черен! – поприветствовал меня канцлер. – Глазам своим не верю! Вот уж не чаял увидеть вас снова! Что привело в наши края? Работа?

Тут хозяин кабинета закашлялся, да так, что согнулся в три погибели, и я счел необходимым выждать, пока ему станет легче, лишь после этого ответил:

– Его преосвященство епископ Вим просил меня принять участие в судьбе племянника. Надеюсь, я не опоздал?

– Насколько мне известно, – скрипучим голосом произнес канцлер, – с момента вашего отъезда состояние бакалавра вон Далена не претерпевало серьезных изменений. Так понимаю, братство святого Луки исполнило взятые на себя обязательства?

– Совершенно верно.

На канцлера мой ответ не произвел ровным счетом никакого впечатления; дела мирские уже мало заботили измученного болезнью старика. Я достал из саквояжа лист с формулой изгнания эфирных червей, но придержал его у себя, не спеша передавать хозяину кабинета. Как ни хотелось поскорее избавиться от последней улики, которая, пусть и косвенно, но все же связывала меня с убийством маркиза Альминца, по условиям договора в обмен на формулу канцлеру полагалось выдать соответствующую расписку. И было бы чрезвычайно опрометчиво полагать, будто в ней нет никакой нужды лишь на том основании, что искомый документ получен мной в обход братства святого Луки. Рано или поздно монахи узнают о случившемся и едва ли воспылают добротой к человеку, по чьей милости лишились всяческих шансов отсудить у епархии земли университета Святого Иоганна. Куш на кону стоял изрядный, за такое не зорно и убить. И даже если нет – у братства хватало высокопоставленных покровителей, которые могли серьезно усложнить жизнь слишком самонадеянному магистру Вселенской комиссии.

Я для себя такого не хотел и потому предупредил:

– В соответствии с условиями договора вашей светлости надлежит заверить акт передачи формулы.

Хозяин кабинета поглядел на меня с нескрываемым сомнением и все же позвонил в колокольчик, вызывая секретаря. Когда тот возник на пороге, хозяин кабинета велел вызвать синдика и декана факультета тайных искусств, а после виновато развел руками:

– Предложил бы вам бренди, да теперь здесь не сыщется и капли спиртного! Только целебный настой... – Канцлер осторожно поднес к губам кружку, глотнул и скривился, даже не пытаясь скрыть отвращения. – Не стал бы мучить этим пойлом и злейшего врага. – Он словно опомнился и указал на кресло напротив. – Присаживайтесь, магистр! Прошу вас, присаживайтесь! Сам я ничего не понимаю в тайных искусствах, поэтому записи посмотрит мэтр Келер. А после уже составим акт...

– Я взял на себя смелость пригласить магистра Риперторпа, дабы он выступил независимым свидетелем.

Канцлер вяло кивнул.

– Пусть так, – сказал он и больше не проронил ни слова, только кашлял да ворчал, маленькими глотками цедя целебный отвар.

Уж не знаю, по какой причине, но секретарь не предупредил Клоса Келера о моем присутствии в кабинете, и декан факультета тайных искусств замер на пороге как вкопанный. На миг он забавно округлил глаза, тут же опомнился и подбоченился, попытался даже втянуть слегка выпиравший из-под мантии животик. Без особого, впрочем, успеха.

– Мэтр! – улыбнулся я вошедшему.

– Магистр! – Келер вернул мне улыбку, до двусмысленности кривую, поймал себя на этом и сделал попытку исправить ситуацию, придав беседе неформальный оттенок: – Какими судьбами, Филипп?

– Не по твою душу, расслабься! – успокоил его канцлер и с плохо скрываемым раздражением проскрипел: – Сеньоры, ваше общество мне до чрезвычайности приятно, но избавьте от этих расшаркиваний и переходите к делу!

Декан кинул вопросительный взгляд, и я передал ему исписанный убористым почерком лист.

– Нужно подтвердить, что здесь представлена формула вызова хтонических созданий, обыкновенно именуемых эфирными червями.

Клос Келер замер с протянутой рукой и даже слегка попятился, а после требовательно взглянул на канцлера, будто желал убедиться, что старик услышал и осознал смысл произнесенной мною фразы. Хозяин кабинета в ответ на безмолвный вопрос ворчливо проскрипел:

– Это дела университета и магистра вон Черена. Просто подтверди, что это реальная формула. Ты ведь способен на это, Клос?

Декан факультета тайных искусств даже слегка порозовел от возмущения. Резким движением он забрал лист бумаги, испросил разрешения и занял стол канцлера. Пока мэтр Келер разбирался с формулой, подошел синдик. Канцлер велел ему достать из верхнего ящика секретера договор, заключенный между университетом и братством святого Луки, и подготовить предусмотренную тем расписку.

Синдик нахмурился. Нет, он был осведомлен об условиях соглашения, смутила его некоторая расплывчатость формулировок.

– Мэтр Келер подтвердит, что магистр вон Черен предоставил некую формулу, – высказал он свои сомнения, – но откуда нам знать, что в соглашении прописана именно эта формула?

Я лишь руками развел, а канцлер вяло отмахнулся.

– Брось! Мы следуем букве договора. Никаких дополнительных проверок там не оговорено.

– Букве – да, но не духу. К тому же акт должен быть вручен представителю братства, а вовсе не магистру вон Черену... – продолжил упорствовать синдик.

– Ты предлагаешь, – буквально прошипел в ответ канцлер, – вызвать наших юристов и потратить... невесть сколько времени на никому не нужные тяжбы?!

Слова «мои последние дни» произнесены не были, но всех проняло и без этого, больше заминок не возникло. Декан факультета тайных искусств подтвердил действенность формулы, синдик подготовил расписку, а явившийся на вызов магистр Риперторп выступил независимым свидетелем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.